

Сергей Лысков

ЗОЛОТО МАРСА

ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ

16+

Сергей Лысков

**Золото Марса.
История колонизации**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лысков С. Г.

Золото Марса. История колонизации / С. Г. Лысков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0584-3

Эта книга соткана из историй. Историй о людях и вещах, которые словно тоненькие ниточки были вплетены в стены первого золотого города на Марсе – Атланто. Города, который построил человек в красных песках безжизненной планеты, подарив людям новый дом. Город, который и по сей день будоражит умы мечтателей, создавая всё новые и новые легенды загадочной планеты – Марс. Так было, есть и будет, ибо человек заплатил за это кровью.

ISBN 978-5-5321-0584-3

© Лысков С. Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Тринадцать дробь тринадцать	6
Президент мира	10
Золото Багдада	13
Великими становятся по выходным	21
Монеты номиналом 10 рублей	32
«Альфа» и «Омега»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Читать книгу – сродни приключению, а вот читать хорошую книгу – это уже путешествие.

Альберт Грин.

Тринадцать дробь тринадцать

Все немного подшучивали над Илоном Маском, когда он начинал строить ракеты. Но, когда 11 августа 2040 года первые два астронавта успешно побывали на Марсе и так же успешно вернулись назад, многие в мировых правительствах задумались о том, что следовало бы как-то ограничить деятельность частных лиц в освоении космоса.

И тут же, после первой успешной экспедиции, в СМИ заговорили о секретных находках и очень необычных для необитаемой планеты предметах. И это несмотря на полное отсутствие информации из официального источника. Семидесятилетний глава первой в истории межпланетной экспедиции сохранял молчание.

Ракета с двумя астронавтами на борту успешно произвела посадку на водную платформу в нейтральных водах Карибского моря. Это было сделано отчасти специально – частное научное судно, нейтральная территория. Илон очень хорошо понимал, что его астронавты, как только приземлятся, будут изучены, чуть ли не под микроскопом, всеми возможными спецслужбами мира. А те образцы грунта и породы, что они доставили, будут засекречены и спрятаны в архивы. Поэтому посадка и была осуществлена на водную платформу. И, несмотря на всевозможные изощрения и давления проплаченной прессы, Илон Маск взял внушительную паузу.

– Очень надеюсь, что вы смогли его открыть, – в четыре утра по местному времени, с кружкой двойного эспresso, первое, что произнес Илон, войдя в лабораторию. – Второй день, господа ученые, второй день! – недовольный результатами своей научной группы, говорил семидесятилетний мужчина.

– Нет, сэр, – нерешительно ответил Боб и тут же попытался оправдаться. – Но мы кое-что обнаружили.

Прищурив глаза и напряженно сжимая скулы, Илон молча зашел в зону, где под всевозможными датчиками находился объект № 13/13, тот самый – яйцевидной формы предмет грязно-серого цвета. Примерно пятьдесят сантиметров в длину и диаметром двадцать два сантиметра. Это была единственная и, явно, неприродного происхождения находка с красной планеты.

Пристально всматриваясь в этот объект под номером 13/13, Илон развел руками, давая тем самым понять, мол, показывайте свою находку, ради которой я так рано проснулся.

– Смотрите, сэр, – главный инженер Боб включил мощное электромагнитное поле, и предмет начал потихоньку вибрировать. – Это реакция на переменное магнитное поле, – объяснял Боб, – а теперь мы понизили частоту до спектра органических форм жизни, – произнес он, изменив частоту волн.

Яйцевидная сфера начала искрить, и по центру, то и дело, стали загораться непонятные иероглифы.

– Их ровно девять, – воодушевленно говорил Боб. – Это похоже на некую панель для ввода комбинации символов или серии комбинаций.

– Так и есть! – так же воодушевленно заявил Илон, пристально вглядываясь в инопланетные иероглифы. – Мы можем точно зажечь тот или иной участок на этой сфере?

– В теории – да! – настраивая оборудование, ответил Боб.

– А на практике? – очень решительно заявил Илон. – Попробуй, зажги первые три символа.

Взяв в руки настроенный на определенную частоту электромагнитный прут, Боб неуверенно дотронулся до сферы. Инопланетный иероглиф не заставил себя ждать и тут же зажегся ярко-синим цветом, потом от прикосновения загорелись второй и третий. Они горели секунды по две каждый, а потом затухали. Это был, конечно, прорыв в изучении объекта № 13/13,

но пока это все походило на некий фокус с зажигающейся яйцевидной сферой. Требуемого результата по вскрытию сферы пока не было.

– Нам нужен робот-дешифратор, – решительно заявил Илон после увиденного эксперимента с электромагнитным воздействием. – И что бы это ни было, мы его взломаем!

* * *

Больше чем у спецслужб США, наверно, ни у кого не было информации по Илону Маску. Они даже умудрились завербовать агента из работников администрации в его корпорации. Если откровенно, то целый отдел профессионалов работал по сбору и анализу информации об этом амбициозном ученом и его деятельности. А когда ракета с ценным грузом сделала посадку на водную платформу, то высшие чины спецслужб начали лично контролировать процесс сбора информации из закрытой лаборатории в нейтральных водах Карибского бассейна. И надо отдать должное, около семидесяти процентов реально достоверной информации очень своевременно поступало на стол чиновникам и высшим чинам в спецслужбах.

– То, что он возится с этим объектом № 13/13, это пустое дело, – говорил глава спецслужбы с одним из влиятельных сенаторов. – Ну, откроет он ее, – рассуждал пожилой мужчина, – а она окажется пустая. Мы такую находили в конце шестидесятых прошлого века на Луне. Ну, даже если он заявит об этой находке на весь мир, что с этого?

– Шум, ажиотаж, – неуверенно говорил сенатор.

– Именно, – подметил пожилой мужчина. – И только! Возможно, начнут нам припоминать пятьдесят третью базу, сбитую тарелку, – говорил с иронией в голосе глава спецслужбы. – Но это все слова, а Илон неглупый малый, он, скорей всего, начнет разбирать находку на винтики. Ему нужны новые технологии, поэтому есть большая вероятность, что он вообще ничего о ней не расскажет, – говорил мужчина, неторопливо покуривая сигару в комнате для отдыха. – Меня больше волнует отчет по грунту, ибо в нем нашли золото в очень хорошем соотношении. Мои специалисты утверждают, что эта пустыня, где брались образцы, своего рода, целый золотоносный прииск.

– Золото, – улыбнулся сенатор, допив свой чай. – Лететь на Марс, чтобы добывать там золото? – очень скептически подметил он.

– Сейчас, да, это утопия, – тут же заметил глава спецслужбы, – но лет через двадцать, а может и сорок – все реально. Так что, если сегодня мы не застолбим эту планету, то уже завтра нас туда не пустят.

– Думаете? – с иронией в голосе спросил сенатор.

– Почти уверен, – очень серьезно заявил пожилой мужчина, затушив сигару. – Илона Маска и его команду надо остановить, пусть это будет первым и последним его полетом на Марс.

– Мне все-таки кажется, что вы немного преувеличиваете значимость этого американца, – подметил сенатор. – Сегодня-завтра туда полетят русские, китайцы, а та динамика к объединению мира, что есть на сегодняшний день, рано или поздно объединит мир и все страны. Мир обречен стать глобальным. И сама идея, что частное лицо будет обладать целой планетой просто по праву первопроходца, полная утопия, абсурд, – делал выводы сенатор. – Тем более ему семьдесят лет. Ну, еще где-то двадцать лет, и все – он станет историей. Да, великой американской историей и не более, – допив чай, закончил свою речь сенатор. – В крайнем случае, мы всегда можем применить силу и забрать все, что он сделал.

Военный чиновник ничего не ответил, его доводы и некая демонизация Илона не возымели должного эффекта. Поэтому, по ходу этой неофициальной встречи в кулуарах правительства, было принято решение просто наблюдать за этим эпатажным американцем, дав ему, по сути, карт-бланш на освоение Марса.

* * *

Понадобилось меньше суток, чтобы подобрать шифр к инопланетному объекту. И как только искусственный интеллект в лице робота сделал это, черно-серая сфера разделилась на две половинки тоненькой светящейся линией. Яркая линия по центру инопланетного предмета явно указывала на факт открытия сферы.

– Молочно-оранжевая бутылка! – не веря увиденному, Илон вынул содержимое из, как оказалось, капсулы для хранения предметов. – Там какая-то жидкость внутри, – разглядывая сосуд, подобный кувшину, говорил Илон.

– Сэр, мы сделали анализ, это стекло, пробка – это дуб, а внутри обычная артезианская вода, – говорил Боб. – Один только нюанс: этому сосуду более миллиарда лет. Мы еще пытаемся выяснить точный возраст воды, она намного старше стекла и дерева.

– Вы хотите сказать, – усмехнулся пожилой Илон Маск, – что я могу ее смело открыть и выпить?

– В теории – да, – одобрительно заметил Боб. – Там нет каких-либо органических включений, только магний, натрий чуть золота и калий. Обычная вода, которую в неизменном виде сохранила эта яйцевидная сфера. Это просто невероятно.

Илон с небольшим усилием открыл пробку, понюхал горлышко молочно-оранжевого сосуда и налил прозрачную жидкость в стакан. Обмакнув указательный палец, он осторожно дотронулся языком до мокрой подушечки фаланги пальца и, поняв, что там действительно вода, тут же сделал большой глоток.

– Необычный вкус, – ощущая сладковатое послевкусие на небе, говорил он.

– Миллиард лет выдержки, сэр, – подметил Боб, на что Илон улыбнулся и допил содержимое кружки.

На следующий день, семнадцатого августа, по всем новостным каналам шла двухчасовая пресс-конференция астронавтов и Илона Маска. Они рассказали о трудностях перелета, предоставили полный список найденных объектов и образцов грунта. Сенсацией стало наличие золота в трех из четырех пробах грунта. Илон даже пошутил, что в будущем люди именно за золотом и полетят на Марс. В общем, эта первая экспедиция стала хорошим акцентом в карьере Илона. И уже никто и никогда после первого полета на Марс не шутил по поводу утопичности идей этого великого американца.

– Пользуясь случаем, с днем рождения, сэр! – произнес очередной журналист и тут же очень серьезно добавил: – Я могу задать вопрос?

– Спасибо за поздравления и – да, конечно. Представьтесь и можете спрашивать, – всматриваясь в собеседника, ответил Илон.

– Том Робсон, «Глобал Ньюс». Я тут пролистывал ваш список объектов, привезенных астронавтами с Марса, и случайно заметил, что нет упоминаний об объекте № 13/13. Что с ним?

Илон даже немного растерялся, начав нервно перелистывать заявленные для пресс-конференции фото- и видеоотчеты на электронной бумаге. Все журналисты сначала не заметили возникшего смятения в глазах великого изобретателя, и только, когда пауза в ответе стала уже неприлично долгой, зал тут же притих, словно предчувствуя некую сенсацию.

– А действительно, нет, – неуверенно начал говорить Илон, понимая, что надо что-то говорить. – Это, наверно, ошибка. Мы проведем расследование, – не очень убедительно попытлся оправдаться пожилой мужчина.

– Позвольте, я отвечу на этот вопрос, сэр? – неожиданно вмешался первый астронавт.

– Да, – покраснев, прошептал Илон, выключая свой микрофон.

– Дело в том, что я, как капитан экспедиции, очень суеверный человек, – улыбаясь очень уверенно начал говорить астронавт. – И контейнер с номером тринадцать дробь тринадцать мы оставили на Марсе, дабы вернуться снова на красную планету. А если по-честному – не хотелось лететь домой с двойной чертовой дюжиной на борту.

Весь зал разразился смехом.

Илон понимая, что в эту ложь поверили, заставил себя улыбнуться и более уверенно продолжил пресс-конференцию.

Несмотря на успех, эта экспедиция на красную планету была обречена на забвение. Уже через год Лига наций (предтечи Мировому правительству) обнародовала бюджет полета к Марсу. И как в свое время с проектом «Аполлон», деньги предрешили судьбу новых амбициозных проектов: тратить такие суммы для того, чтобы привезти несколько килограммов грунта, было слишком расточительным делом для мировой общественности, поэтому на долгие десятилетия все полеты к Марсу были приостановлены. Человечество бросило все силы на освоение Луны, там начали строить жилые модули и формировать колонии. Лига наций вкладывала в лунные поселения огромные деньги, лучшие умы человечества пытались зацепиться за этот безжизненный спутник. И надо заметить, у них это получилось: почти за сто лет человеку удалось построить полноценный самодостаточный город на лунном грунте. И это был новый, ещё робкий шаг по освоению космоса.

Президент мира

ПРОШЛО СТО ЛЕТ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА МАРС.

В то, что лидер оппозиции, человек, противящийся глобализации мира всем своим нутром, вот так, в мгновение жизни, окажется рядом с человеком, который реально мог ему помочь изменить все, не очень верилось.

Они увиделись в предварительной камере ожидания для задержанных нарушителей правопорядка. Рэя Су, главу подполья, задержали после очередного запрещенного митинга в Нью-Йорке. А вот талантливый программист Альф Туэн, как говорится, оказался не в том месте, не в подходящее время, и был задержан с общей толпой демонстрантов.

– Я не виноват! – схватив решетку, пытался что-то доказать полицейским Альф.

– Да утихни ты! – крикнул кто-то из сокамерников.

– Выпустите меня! Я буду жаловаться! – говорил Альф. – Я не имею никакого отношения к террору и движению против глобального мира. Выпустите меня!

– Капитан придет, разберемся, – недовольно буркнул сержант полиции, и подал ток на решетки.

Альф от неожиданности удара током даже вскрикнул. И вынужден был бросить затею доказывать сотрудникам полиции свою непричастность к радикальной оппозиции.

– Чего ты нервничаешь, паренек? – улыбаясь, обратился к нему Рэй. – Через двенадцать часов нас всех выпустят: таков закон! Так что расслабься и получай удовольствие.

– Мне домой надо, у меня экзамен по вождению через час, – еще раз пытался объяснить свою непричастность Альф.

– Сочувствую, – усмехнулся Рэй. – Видишь, к чему приводит глобализация мира? Всем равные условия! Так что ты, как и я, наравне со всеми.

– При чем тут это? – сев на куртку, спросил Альф. – Ваша борьба полная утопия... А я тут просто по ошибке, – чуть слышно добавил он, подойдя к свободной скамейке.

– Слышишь, терпила! – тут же грубо окрикнул его один из здоровяков в команде Рэя.

– Тихо, тихо, – остановил его их лидер. – В чем утопия, добрый мой гражданин? – подойдя поближе к Альфу, поинтересовался лидер оппозиции.

– Альф, – ответил юноша. – Я – Альф!

– Очень приятно, Альф, я – Рэй, – протянув ему руку, Рэй Су повторил вопрос: – Так в чем?

– Просто мир стал глобальным в подвалах Америки в двадцатом веке, когда появился интернет. А потом пошло: общий социум, общее правительство, общие военные, общие враги. Вопрос объединения – это был, по сути, вопрос времени.

– Поэтому мы и выходим на митинги, дабы не допустить стадности мира. Мы – последний шанс на индивидуальность, – улыбаясь, подметил Рэй.

– Ваш шанс – миф, – тоже улыбнулся Альф.

– Почему? – очень серьезно спросил Рэй.

– Чтобы победить льва, надо, как минимум, стать львом.

– Не пойму, – настороженно сказал Рэй.

– Вам надо создать партию! Надо играть по законам мирового правительства, если вы хотите выиграть.

Тут раздался целый шквал смеха. Вся толпа радикалов, до этого момента затаив дыхание слушавшая диалог лидера и какого-то чудака, разразилась громким хохотом. Идея с партией рассмешила всех. Смеялись все, кроме Рэя.

– Партия – это утопия, – когда гул стих, прошептал Рэй. – Их законы нам этого не дадут. Ни один жирный политик не играет по правилам им же написанным.

– Поменяйте их, – очень серьезно и самоуверенно сказал Альф.
– Как? – с издевкой спросил Рэй.
– Начните с простого – верните пункт «Против всех» в избирательный бюллетень.
– А что это даст, пахан? – тут же грубо спросил один из здоровяков, внимательно слушавший их диалоги.

– В принципе, да. Что даст? – повторил вопрос Рэй.

– А вы спросите себя, почему я должен выбирать из коровьего навоза и человеческого, – рассуждал Альф. – Ведь меня, по сути, лишают права выбора, заставляя нарушать закон, портить избирательный бланк. И вот когда вы, оппозиция, продадите этот пункт... Референдумом, сбором подписей – не суть важно как это продать. Главное внести в бланк этот пункт. И вот тогда партия «Единый мир», которая сейчас уже полвека правит, не наберет нужного процента для победы, потому что все молчуны, все недовольные придут на выборы и проголосуют против всех. Вот это будут реальные выборы. Вот это будет реальная пощечина, а не эти ваши шумные акции.

Толпа затихла. Не все понимали, как именно такая мелочь как еще один пункт в избирательном бланке может повлиять на глобализацию мира, поэтому молча смотрели то на их лидера, то на странного молодого паренька. А Рэй молчал, в душе он реально понимал, что этот юный паренек предложил идею, которая стоила всех их пятидесяти лет бунтарства и борьбы вместе взятых.

– И что дальше после этого пункта? – с ухмылкой, наконец, заговорил Рэй.

– Требуйте выборов кандидата из народа, – сказал Альф. – Пусть каждая страна предоставит своего кандидата, а затем провести выборы путем голосования в сети. Там можно проследить прозрачность данных выборов. У вас будет шанс провести своего человека во власть. Ну а там хоть на города весь мир разделите.

– Хм, хорошая сказка, – рассмеялся Рэй, и вся толпа выдавила из себя смех.

В тот вечер больше они не разговаривали. Рэй, словно обиженный слепой подросток, с ненавистью смотрел на юного выскочку, который предлагал единственно верный путь к власти.

Наутро, по закону их всех выпустили и больше они никогда не встречались. Но идеи, озвученные в тот день в камере предварительного заключения, скажем так, начали становиться реальностью. Рэй, к сожалению, не дожил до того дня, когда после сбора одного миллиарда подписей за возвращение пункта «Против всех», его, скрипя зубами, внесли на рассмотрение, а через три месяца одобрили. Рэй Су был застрелен своими же, а его образ яркого революционера еще много лет эксплуатировали для свержения неугодных руководителей по всему глобальному миру.

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.

РОВНО ЗА СОРОК ДНЕЙ ДО ВЫБОРОВ.

– Стив, ты читал новость о выборах в мировое правительство? – допив очередную пинту пива, очень серьезно посмотрел на друга Альф.

– Нет, я не ем политику, – параллельно играя в шутер и общаясь, говорил Стив Мору. – Она не вкусная, – не отрывая глаз от дисплея биофона, добавил он.

Пауза, появившаяся между ними, даже насторожила Стива и, заронив в игре, он про себя выругался и с упреком взглянул на крайне серьезного друга. Застывший Альф молчаливо и задумчиво смотрел в окно. Казалось, в его голове рождалась невероятная идея. И это пугало и интриговало одновременно.

– Ты че завис, Альф? – хлопнув друга по плечу, спросил Стив.

– Прости, задумался, – вздрогнув и уронив бутылку пива, сказал Альф.

– О чем? – поднимая полупустую бутылку друга, поинтересовался Стив.

– Вот смотри, – открыв страницу мирового правительства, начал Альф. – «Официальный сайт мирового правительства. В связи с не легитимностью прошедших выборов (тридцать девять процентов граждан планеты Земля проголосовали против всех кандидатов) мы предлагаем следующее решение. Любой гражданин планеты, в возрасте тридцати пяти лет, не судимый, имеющий базовое образование, вправе подать заявку на пост президента мирового правительства».

Дочитав ссылку, Стив поначалу даже расхохотался, но потом посмотрел на серьезное лицо друга, и ему стало не до смеха.

– Ты реально хочешь рискнуть? – с ухмылкой спросил Стив.

– Я почти подал заявку, – ответил Альф. – Там для прохода во второй тур надо две тысячи голосов, и я как бы выхожу в финал по нашему городу, потом тур по округу, потом тур по стране и потом – по миру, – разъяснял свой план Альф.

– Блин, Альф! – выпив бокал пива залпом, произнес Стив. – Если б я не знал тебя, я бы подумал, что ты шутишь. Но ты же никогда не рискуешь без плана «Б», – разведя руки в стороны, говорил темноволосый паренек тридцати пяти лет. – В чем фокус? Зачем это тебе?

– Все выборы будут в сети, – разъяснял Альф. – На их серверах под контролем спецслужб.

– И?

– Последний тур – это реальные выборы в дуэте с прошлым президентом мира, но тоже в сети.

– И? – еще раз произнес Стив.

– Смотри, – Альф нажал несколько сенсорных клавиш на экране биофона и запустил какую-то программу. – Это простая программка шрифтов интернет страниц, которая есть в каждом сетевом устройстве на этой планете. Год назад я потихоньку внес изменения в эту программку. Без палева. И ровно за год все обновили старую версию, скачав мои изменения, – улыбаясь, говорил Альф.

– Ты можешь контролировать сервера мирового правительства?

– Нет, – ответил Альф. – Только функцию подтверждения или отрицания той, или иной команды. Эта программа меняет «да» на «нет», и «нет» на «да». Бесполезная игрушка, если, конечно, дело не касается выборов.

– Ах ты, чертов хакер! – засмеявшись, Стив по-дружески толкнул своего друга в плечо.

Стив смотрел на Альфа и не верил в услышанное. Он, конечно же, понимал: если Альф говорил, что программа работает, значит, она реально работала, ибо Альф Туэн был в десятке лучших хакеров мира. А это чего-то стоило в этом мире.

– Но я не сказал главного, Стивенсон Мору, – посмотрев ему в глаза, очень официально заговорил Альф. – Я хакер, они сразу спалят меня, а ты простой психоаналитик, геймер, женат, двое детей, обычный среднего достатка интеллигент с неплохой политической программой на выборы.

– Я? – Стив даже побледнел от услышанного.

– Стивенсон Мору, – еще раз очень серьезно посмотрев на друга, начал Альф. – Ты хочешь стать будущим президентом мира?

Стив ничего не ответил. Но этого и не надо было. Маховик великой истории был запущен, и в тот вечер эти двое парней, даже и не подозревали, куда именно их приведут такого рода мечты.

Через сорок дней Стив стал новым президентом мира. Эпоха правления династии Мору началась.

Золото Багдада

БУДУЩЕЕ

Двое ученых уже целый час летели куда-то в сторону Уральских гор. Четыре года назад, указом молодого, недавно избранного председателя мирового правительства Стива Мору были объединены две научные лаборатории в Японии и России.

Японский ученый, инженер Эмиро Сунн был первооткрывателем в сфере электромагнитных реакторов, и его разработки широко использовались в современной энергетике. Его русский коллега Александр Ромов, молодое дарование, практически параллельно изобрел ракетоноситель, способный тянуть на себе огромный груз. Эти открытия дали толчок для развития космонавтики, и мировое правительство поставило себе цель: создание первого межпланетного крейсера, способного добраться до любой планеты и спутника в Солнечной системе. И, надо заметить, что тандем мудрого наставника в лице Эмиро Сунна и голодного до открытий и славы Александра Ромова уже через пару лет дал неплохие результаты. Первый космический крейсер, после шестой попытки, был создан, оставалось малое – дать ему имя. И, как выразился Эмиро, именно поэтому они летели куда-то в сторону Уральских гор над территорией России.

– Можно вопрос, Эмиро? – немного смущаясь, спросил Александр.

– Как я назову крейсер? – улыбаясь, ответил седовласый японец.

– Нет, правда! – настаивал Александр. – У нас в НИИ даже ставки делают на то, какое у корабля будет имя.

– Ты это серьезно? – посмотрел на него ученый.

– Лидеры имен: «Звезда», «Первый», «Эмиро», – перечислял имена Александр.

– «Астра», – неожиданно произнес Эмиро Сунн. – И так как эта электромагнитная модель шестая по счету, то этот корабль будет носить имя «Астра-6».

Александр даже замолчал от неожиданности: такая интрига, и такое название. Но, зная Эмиро, Ромов почти на сто процентов был уверен, что в этом имени скрыт глубокий и знаковый смысл.

– На вот, прочти, – сказал Эмиро и протянул электронный лист. – Я написал этот рассказ десять лет назад, но материалы по крупницам собирал всю свою жизнь. Это мой первый и, пожалуй, единственный рассказ. Как там у вас в России говорят: «Я больше ученый, нежели писатель».

Александр, молча, взял в руки электронную бумагу и начал читать:

«Золото Багдада, или Сны сбываются по понедельникам», автор Эмиро Сунн.

– Я потеряю ноги, – разбудил свою возлюбленную Дмитрий примерно в три часа ночи.

– Что? – сквозь сон спросила Оксана.

– Мне сон приснился, – пытался объяснить девушке Дмитрий. – Я в аварию попаду, ноги потеряю, – как-то спокойно говорил он.

– Дим, ты так спокойно об этом говоришь? – проснувшись, подметила Оксана.

– Ну, это же сон, – улыбнулся Дима. – Да и сегодня понедельник, а не четверг.

– А при чем тут четверг? – раздраженно спросила Оксана.

– Вещие сны снятся с четверга на пятницу, – объяснил Дима. – Ты меня не бросишь, если я стану инвалидом? – неожиданно спросил он, посмотрев ей в глаза.

– Не говори всякую чушь! – ответила Оксана и отвернулась. – Мне это неприятно слышать, – пробубнила она.

– Бросишь? – еще раз, но уже громче, спросил он.

– Дим, ты сам говорил, что сон не вещий, – нерешительно посмотрев в глаза возлюбленному, ответила девушка.

– Так «да» или «нет»?

– Нет..., – ответила девушка, нервно перебирая край пододеяльника.

– Спасибо, – чему-то улыбнулся Дмитрий, а затем повернулся на другой бок. – А я ведь видел, что будет именно так.

– Прости, что?

– Да так, мысли вслух. Давай спать, – предложил он и уже через пару минут уснул, как ни в чем не бывало.

Оксану же ждала бессонная ночь раздумий, впрочем, уже на следующий день об этом ночном разговоре никто из них и не вспоминал. Жизнь пошла своим обычным чередом. Через полгода, возвращаясь со свадьбы, они попали в аварию. На повороте их внезапно выкинуло на обочину. Его девушка получила испуг и травму головы, а он получил травму позвоночника и потерю чувствительности в ногах. Полгода реабилитации ничего не исправили, и у Дмитрия остался паралич нижних конечностей. Оксана прожила с ним еще год, после чего ушла, ничего не объяснив. Он начал пить. Естественно, оформили пенсию по инвалидности, впрочем, деньги от этой самой пенсии и пропивались, пока не случилось горе. От пролежней пошли гнойнички, потом – сепсис, и в конечном итоге – гангрена. Ноги отрезали выше колен, и тогда, к удивлению медиков, в конечности вернулась чувствительность. А толку-то теперь? Поставить протезы было очень дорогим делом, и Дима смастерил деревянные наконечники, которые надевались на то, что осталось от ног, тем самым, пытаясь хоть как-то компенсировать свои физические недостатки. А время шло своим чередом, монотонно и неторопливо, словно чего-то ожидая.

– За что? – хрипя в пьяном угаре, однажды, закричал он. – Почему? – он заплакал, упав на пол.

В том сне ему приснилось, что он потерял ноги, а после – он в чудаковатых протезах стоит на беговой дорожке на огромном стадионе и собирается прыгать в длину... Прыгнул ли он, Дима не помнил. И вроде часть сна сбылась – ноги он потерял, но вторая часть казалась такой нелепой, особенно в те минуты, когда пьяный инвалид лежал на грязном полу, обмоченный и грязный, закрыв лицо руками, то ли от стыда, то ли от ненависти к самому себе.

– За что? – снова прокричал он и с силой ударил по серванту, с которого от удара попадали бутылки, зеркало, магниты на холодильник, что они собирали с Оксаной, путешествуя по стране.

Подняв один из упавших магнетиков, Дима присел, облокотившись на кресло. В этот момент он вспомнил, как они покупали именно этот магнитик с оранжевым зайцем в маленьком городишке на юге страны, торгуясь с темпераментным продавцом, а потом, в итоге, этого оранжевого зайца им подарили просто так, в качестве бонуса за купленные фрукты. От злости он швырнул магнит в кучу сувениров, и тот, ударившись об пол, разлетелся на маленькие кусочки.

Два маленьких магнитика, что были приклеены к гипсовому зайцу, отлетели в сторону. Встретившись в полете, они оттолкнулись друг от друга и упали на пол. Дима протянул руку и пододвинул один магнит к другому: тот медленно отодвинулся от него. Банальный закон физики, но именно в тот миг он придумал, как ему научиться ходить.

В детстве, когда он узнал, что Земля, на самом деле, круглая и крутится вокруг Солнца, а нас держит магнитное поле Земли, тогда в его юную голову пробралась идея создать такой магнит, который мог бы оттолкнуть что-либо от поверхности Земли в космос, к звездам, и дальше. Потом еще одним открытием стало то, что в космос попасть оказалось куда сложнее, чем казалось в детстве: нужно было стать военным летчиком, долго учиться и обладать хорошим здоровьем. В принципе, ничего сложного, если упереться и верить в свои силы. Но... он стал юристом, пожалуй, просто поддался веянию моды на том этапе его жизни. И знаете, мысль о том, что можно создать такое магнитное поле, что оттолкнет тебя от Земли, от поля

земного притяжения, с годами становилась все призрачнее и призрачнее. Ему думалось: раз это так просто, то почему люди летают в космос на ракетах? Люди же не дураки! Такими темпами эта идея из разряда гениальных перешла в разряд нелепых. И вот теперь, на дне пропасти, эта нелепая идея стала его лестницей вверх к звездам, правда, нужно было немного подождать и уладить кое-какие финансовые формальности.

– Димон, где ты жить будешь? – держа в руках документы, спросил Сергей.

– На даче, – сидя в инвалидной коляске, ответил Дима и достал из кармана ручку. – Где подписывать? – спросил он.

– Хорошая квартира, зря ты ее продаешь, как другу говорю, – Сергей пытался отговорить Дмитрия. – Родительский дом, как-никак. Пахан твой, царство ему небесное, столько сил вложил в него.

– Серега, решено, мне деньги нужны.

– Зачем так много? В центре города – двухкомнатная квартира, ты можешь одну комнату сдавать и жить, как у Христа за пазухой.

– Тебе это не понять, – ответил Дима и подписал документ о продаже.

– А, все же? – собрав бумаги и положив их в коричневую папку, спросил Сергей.

– К звездам хочу! – улыбаясь, ответил Дима.

– Каким, на хрен, звездам? – рассержено спросил Сергей.

– Марс, Венера, Юпитер, – вполне серьезно ответил Дима и подкатился к окну.

– Очнись, Димка! Ты уже не ребенок! Невозможно изобрести вечный двигатель. Ты вырос, Дима, ты уже взрослый, очнись! Те детские шалости закончились, это была просто игра. Наша деревянная ракета, даже со всеми магнитами города, не взлетела бы на миллиметр, и дело не в том, что ее сожгли пацаны с Брода, она бы не полетела, Дима! Это невозможно! Это реальная, жестокая жизнь, а твои безумные детские мечты, они неосуществимы, – на секунду Сергей остановился, посмотрев в глаза Дмитрию. – И, кстати, твои Марс, Венера, Юпитер – это не звезды, а планеты, – иронично подметил он. – Уж поверь мне, человеку с дипломом астрофизика в прошлом.

– А я там все равно буду, астроном из прошлого, – посмотрев ему в глаза, ответил Дима.

Сергей ничего не ответил на это, он просто еще раз прошелся по квартире Дмитрия, а уходя, поинтересовался, сколько ему нужно будет времени на переезд. Дмитрий попросил две недели, но управился за десять дней.

На даче Дмитрий Астров создал целую лабораторию. С каждым днем он медленно, но приближался к своей цели: все необходимые микросхемы и детали были куплены на вырученные средства, и потихоньку все задуманное приобретало форму. – Ваше здоровье, Валентина Николаевна, – Дима поднял бокал с янтарного цвета жидкостью, пахнувшей ячменем. – Кто бы мог подумать, что ваши уроки мне пригодятся, Трынделка, – он как-то по-особенному, с уважением, произнес последнее слово.

И тут же вспомнились нудные уроки по физике, и то, как Валентина Николаевна три шкуры с них сдирала во время контрольных работ по физике. И ее пятиминутки, это когда за пять минут до конца урока «Трынделка» делала блиц-опрос по всем пройденным темам, всегда оставляя шанс получить еще одну пару за урок. Знаете, кажется, вроде пронесло: не спросили и не вызвали к доске, ан нет, на блице попадешься, и пара обеспечена. Дмитрий в аттестате имел «четверку» по физике, хотя эта «четверка», пожалуй, была бы «шестеркой» у любого другого учителя по физике. Валентина Николаевна любила говорить: «Физику на «пять» знаю только я и Эйнштейн, ваша же участь – все, что ниже».

Дима в тот день праздновал окончание теоретической части вечного электромагнитного двигателя. В теории, он рассчитывал создать поле, которое было бы противоположным полю Земли или другого сильного источника, и тем самым могло бы оттолкнуть его в воздух, другими словами: два магнита из детства, которые, как бы ни хотел, не притягивались, а оттал-

кивались друг от друга. Одним из таких магнитов собирался стать сам Дмитрий, точнее, его установка, а другим была бы Земля. Конечно, речь шла о кратковременном включении магнитного поля, чтобы попросту не улететь на пару десятков метров в небо и потом банально не разбиться при приземлении.

Фантастика – скажете? Но через пять лет работы и опытов, он создал портативный электромагнитный протез, который, надо заметить, работал.

А на улице было буйство зеленых красок: десятки, сотни оттенков от ярко-зеленого до чуть различимого бледного, и в каждом из них: то капелька детского задора, то старческого опыта, то юношеское безрассудство, то зрелое смирение. Все это зеленое безумство пробивалось отовсюду из земли: из деревьев, асфальта, кирпича, бетона, казалось, даже из железа... Однолетние и многолетние травинки, как острые ножи матушки природы, раздирали преграды на пути к солнцу. Одним словом, весна! Такая разная и в то же время одинаковая, в сердце каждого на этой планете...

– Геля, сходи в магазин, купи хлеба, – увидев подходящего к ним мужчину (именно подходящего!), сказала женщина, а затем дрожащими руками достала деньги из сумочки и протянула их дочке.

– Только хлеба, мам? – спросила дочка, на что мать утвердительно кивнула, и девочка побежала в магазин.

– Я же говорил, что потеряю ноги, – улыбаясь, подметил ее бывший парень.

– Как ты, Дима?

– Как видишь.

– Ты прости меня, что ушла так некрасиво.

– Да, ладно, – перестав смотреть ей в глаза, сказал Дима. – Я понимаю, – прошептал он.

– Ты хотел что-то, или просто так? – спросила бывшая возлюбленная.

– Просто так, Оксана, просто так.

Дмитрий замолчал, держа в руках спортивную сумку. А женщина, нервничая, переминалась с ноги на ногу. Между ними возникла пауза. Никто не знает зачем, спустя столько лет, он разыскал свою бывшую возлюбленную. Может, хотел доказать ей, что он смог выбраться из столь сложной жизненной ситуации? А может, потому что Оксана знала про сон, тот самый, когда он проснулся среди ночи и сказал ей, что потеряет ноги с таким спокойствием, словно, это единственный способ, потеряв ноги, сделать нечто более важное, то, что поменяет мир вокруг них. Наверно, теперь только один Бог знает, зачем он это сделал, зачем нашел свою бывшую девушку.

– Я на Олимпиаду еду, – неожиданно сказал Астров.

– А, как? – растеряно, спросила Оксана.

– Протезы, – Дима задрал штанину, тем самым обнажив протез.

– Да, конечно... Как я не додумалась?

– Мам, ну пошли, – подбежала девочка с булкой хлеба в руках.

– На тебя похожа, – улыбаясь, подметил Астров.

– Дядя, нас папа ждет! – очень серьезно заявила девочка.

– Да, да, девочка, – поторопился расстаться Дмитрий.

– Я – не «девочка», у меня имя есть – Ангелина, – заявила малышка.

– Очень приятно, а я – Дмитрий, – представился он, но после, закинув сумку на плечо, продолжил: – Рад был познакомиться, пойду я, Оксана.

– До свидания, Дмитрий, – сказала Ангелина.

– Прощай, Ангелина, – он подмигнул ребенку. – Все сбывается, Ксюха! Все, что видел, сбывается.

– Мама, а что сбывается? – поинтересовалась дочка.

– Потом расскажу, – задумчиво, ответила женщина. – Потом, дочка, потом.

Дима ничего не ответил и, улыбаясь, неторопливо пошел к автомобилю.

Вы бывали в Багдаде, городе востока, где пахнет песком и древностью, несмотря на современные высотки и индустриальный центр? Сколько войн, потрясений, завоеваний пережил этот великий город, и каждый народ, каждый культурный слой, по воле города или против нее, оставлял на его лице следы. Все было в Багдаде! Все, кроме Олимпийских игр: их ни разу не проводили в этой восточной стране, но усилиями политиков Востока и местных жителей, с восьмой попытки, Олимпийский комитет одобрил проведение очередных игр в одном из самых древних городов на планете Земля. И это были самые яркие три недели этого древнего города за всю его многовековую историю...

Жаль, впрочем, так должно было быть, но на двадцать первый день огонь Олимпийских игр в Багдаде был потушен. Это было лучшее закрытие игр за тысячелетие! Кстати, впервые во время проведения игр в мире были остановлены все военные конфликты – такой приятный рекорд для современного мира. Огонь потушен, миллиарды надежд, миллионы разочарований, десятки побед, сотни удовлетворенных своими выходами на Олимпийскую сцену – все это уже история, все это уже осталось в новостных выпусках, специальных репортажах и на любительских камерах... Огонь потушен.

Да здравствуют паралимпийские игры в Багдаде! И все началось заново: огонь зажгли, и мир снова прикован к играм человечества, какая разница, что каждый из них инвалид, ведь об этом зрители не думали. А уж тем более участники: в глазах паралимпийцев был азарт в разы сильнее азарта их предшественников, они не искали побед и славы: для них победой было само участие в играх.

«В сектор для прыжков в длину, к первой попытке подошел участник из России Дмитрий Астров, у него нет обеих ног, но, как видно, Дмитрия Астрова это ничуть не смущает. Он молится перед прыжком... Разбег... Невероятно!!! За десять метров, это новый мировой рекорд! Подождите, я сейчас уточню... Да, так оно и есть – мировой рекорд с первой попытки! Невероятно! Стадион весь встал, просто потрясающее зрелище! Он прыгнул на двух алюминиевых протезах... как мне сообщают помощники – одиннадцать метров пятьдесят девять сантиметров, предельная цифра!!! И это медаль, как минимум...», – восхищенно вел репортаж диктор на стадионе.

После этой попытки внимание стадиона было приковано к сектору для прыжков, и хотя Дмитрий Астров задал темп, который не смог поддержать ни один из спортсменов, зрители ждали второй попытки чудо-участника. И вот, Дмитрий прыгает за пятнадцать метров. Стадион встал и аплодисментами проводил Дмитрия до сектора отдыха.

«Это нечто фантастическое! Атлет из России бьет мировой рекорд по прыжкам в длину среди полноценных спортсменов! – в неистовстве говорил диктор, потрясенный всем происходящим на арене Олимпийского стадиона. – Постойте, постойте, кажется, атлет хромает. Может, произошла травма и протез неисправен. У меня есть информация, что атлет использует протезы собственного производства. Вы знаете, я думаю, после его триумфального выступления, за его протезами выстроится очередь... Точно, нам показывают крупным планом атлета и видно, как он хромает. На его лице – явно страдания, причиняемые болью. Что-то пошло не так! Как жаль, что атлет не может дать интервью в этот момент – это просто сенсация паралимпийских игр Багдада, – диктор захлеб комментировал происходящее: ... весь стадион ждет третью попытку атлета... И вот, Дмитрий Астров выходит к беговой дорожке... Гробовая тишина... Стадион, стоя, ожидает прыжка. Кажется, что все атлеты остановились и ждут прыжка... Разбег... О, Бог ты мой, он... он... – голос диктора задрожал: ...Он упал! Астров лежит без движения. Это... это ужасно! Простите, мы прервемся на пару минут».

По телевидению пошла реклама, а на стадионе к атлету подбежали медики, но шансов выжить у человека, подпрыгнувшего на тридцать один метр, были призрачными. Он умер от перелома позвоночника и множественных травм, полученных при падении. Его ПЭМП зако-

ротило, и его, как пушинку, подкинуло на высоту до тридцати метров, но все подумали, что это был прыжок. Естественно, приземлиться с такой высоты без последствий он не смог.

Немного цинично, но эту попытку засчитали и золотую медаль вручили уже посмертно. По протоколу соревнования, атлет Дмитрий Астров прыгнул в третьей попытке на тридцать два метра. Атлет, который не имел обеих ног, на протезах пролетел три десятка метров и разбился. Это событие долгие годы будоражило сердца атлетов. Но время неумолимо и этот прыжок забыли. Может и специально, ведь за его ПЭМП чуть не разгорелся дипломатический скандал. Впрочем, русские добились возврата технологий, что изобрел Дмитрий Астров, и, только спустя годы, я и мои русские коллеги в научных центрах смогли расшифровать и воссоздать портативный электромагнитный протез Астрова. Про самого же изобретателя земные бюрократы забыли, его похоронила бывшая возлюбленная за свои деньги.

* * *

Александр оторвал глаза от электронной бумаги и посмотрел на мудрого учителя.

– Ну как? – улыбнувшись, спросил Эмиро.

– А как вы все это узнали? Я так понимаю, что этот случай с прыжком Дмитрия Астрова – это все реальные события и реально существующий человек, – потрясенный историей говорил Александр Ромов.

– Все реально: ребенок, друг – покупатель квартиры, алкоголизм, затворничество – все истина, – ответил Эмиро. – А прыжок я видел собственными глазами. Шестьдесят лет тому назад я – десятилетний парнишка – тайком был на арене стадиона. Мой отец вел съемки, а я прятался в нижнем отсеке робота-оператора. Так сильно хотелось увидеть своими глазами все происходящее на Олимпиаде!

– Невероятно! – Я видел его взгляд. Он не боялся, когда шел на третью попытку, и это не был несчастный случай, это был его поступок. Он хотел показать миру, что смог придумать нечто великое, и он отдал свою жизнь ради того, чтобы его протез, его портативный электромагнитный реактор увидел весь мир, и он своего добился. Это был великий ученый-самоучка из России! – закончил свою речь японский ученый.

– Я так понимаю, что на основе его изобретения были сделаны ваши реакторы? – тут же поинтересовался Александр.

– Именно, Александр, – ответил Эмиро. – И поэтому все корабли, которые будут созданы на базе нашего, будут носить имя «Астра». Это моя воля как старшего по данному проекту.

– Это поистине мудро, Эмиро, – задумчиво прошептал Ромов. – Можно сказать – мечта парнишки сбудется, частичка его души увидит, как он сказал, звезды.

– Вот мы и прилетели, – взглянув на автопилот, неожиданно произнес Эмиро.

Их машина приземлилась возле кладбища. Надев плащ и шляпу, японец поспешил выйти. Через полчаса поисков они все же отыскивали могилку Дмитрия Астрова.

– Мировой рекорд этого русского стал бессмертным, – сняв шляпу перед могилой Астрова, говорил японец. – Тридцать два метра, пятьдесят один сантиметр – самый длинный прыжок в истории Олимпийских игр человечества. Но главное не прыжок, главное, что мы с ним одной крови, Александр.

– Эмиро Сунн, он же русский? – улыбнулся Ромов.

– Ну и что? Кровь у тех, кто заставляет эту Землю крутиться, одинакова, – говорил японец. – Ты и я тоже в этом похожи: ты создал ракету, которая способна тянуть в космос колоссальные грузы, а я создал корабль, который сможет долететь куда угодно в нашей солнечной системе. Мы оба мечтатели, Ромов, хоть ты еще этого и не понял. Точно такие же, каким был этот обычный парнишка из России.

Ромов задумчиво посмотрел на своего наставника и руководителя. Александр был молод, горяч и не совсем понимал суть слов Эмиро Сунна. Наверное, поэтому он решил промолчать, тем самым ускорив всю эту панихиду. Тридцатилетний ученый, инженер покорно скло-

нил голову, видя неподдельное уважение его мудрого руководителя к могиле этого неизвестного миру, простого русского человека.

Холодный ветер подул в лицо, и с березки, что росла на могилке, неторопливо полетели листочки. Вся могилка была усыпана золотом осени. Цветник на могиле был ухоженный, у подножия памятника лежали чуть увядшие розы, травка была подстрижена – все это указывало на то, что кто-то следил за могилой. Вдруг послышался раскат грома, предвещающий дождь. В этот момент седовласый японец положил на могилку золотую медаль в прозрачном футляре.

– Ты тогда еще не родился, Александр, а я читал и следил за судьбой этой медали. И уже спустя год после прыжка, Олимпийский комитет аннулировал золотую медаль Дмитрия Астрова, мотивируя это тем, что он использовал свой ПЭМП нелегально, – рассказывал Эмиро Сунн. – Иными словами: ему надо было собрать кучу справок, чтобы бюрократы в галстуках разрешили выиграть в играх, – иронично подметил японец и смахнул с футляра медали налетевшие желтые листочки.

– Мы – люди, Эмиро Сунн, и прискорбно, что эта бумажная возня является неотъемлемой частью человечества, – посмотрев на седовласого ученого, ответил Ромов. – Тем более, сейчас, когда мир стал единым.

– Наверное, ты прав, – усмехнулся японец. – Мне понадобилось пятьдесят девять лет, чтобы Астрову вернули медаль. Александр, а ты не мог бы перевести, что написано на памятнике? – неожиданно спросил Эмиро Сунн. – Написано, вроде, по-русски, но буквы прописные. Я могу их прочесть, но я боюсь исказить смысл написанного.

– «Дмитрий Астров. Многое недосказано, многое недопонято, но многое сделано. Оксана».

Пошел крупный дождь. Он, словно слезы, падал на землю, могилку русского атлета, на золотую медаль из далекого Багдада и газету – электронный вариант «World Times», бережно оставленный Эмиро Сунном рядом с золотой медалью. На первых полосах газеты был видеорепортаж: «Успех группы ученых под руководством Эмиро Сунна! Теперь, люди, у нас есть свой межпланетный крейсер, и, как сказал Эмиро Сунн, «...мы летим к звездам, человечество! Мы летим к звездам!».

Спустя шестьдесят лет после трагедии на Олимпийских играх в Багдаде, группа ученых запустила условно вечный двигатель по чертежам Астрова, создав пилотируемый космический крейсер, который способен долететь в любую точку вселенной. «Астра-6» был детищем Эмиро Сунна. Может быть, в угоду, а может, вопреки великой мечте русского инвалида десятилетний японский парнишка оказался тогда возле отца, который вел съемку в секторе прыжков в жаркий летний день игр, словно это было предназначено. И именно он должен был увидеть того русского, увидеть его глаза и почувствовать, что тот знает, что делает, идя на третью попытку, на мировой рекорд тогда, много лет назад в жарком и по-своему мудром Багдаде. Астров видел все это во сне, точно так же как Эмиро Сунн в ту ночь, потрясенный смертью русского атлета, увидел во сне свой крейсер возле далекого и такого родного для него Марса. И он поверил в это, положив всю свою жизнь на алтарь маленькой победы человека над холодом и неизведанностью космоса. Обидно, конечно, что, спустя год после создания крейсера, великий ученый, космический инженер и просто изобретатель ушел из жизни. Он создал корабль, способный долететь до любой планеты в Солнечной системе, но так и не смог поплавать в невесомости по его отсекам и модулям при выключенном поле притяжения. Он ушел от нас на семьдесят втором году жизни, и его похоронили в России рядом с могилой великого русского паралимпийца, чей рекорд, даже спустя двести лет, так и не был побит.

* * *

До первых свободных старателей, праотцов золотого города на Марсе, было с десятков экспедиций на четвертую планету. Сначала у Земли был чисто научный интерес, но как только на красной планете было обнаружено золото, интерес стал промышленным.

Люди прилетали и гибли. Не сразу, конечно, но редко кто протягивал год в таких условиях. Жить приходилось в шаттлах, питаться провиантом, строго расписанным до прилета следующего корабля. Конечно, потихоньку человек грезил строить коммуникации на этой мертвой планете, но на этом все и заканчивалось: для Земли было невыгодно осваивать Марс. Они хорошо помнили историю с Луной, когда после долгих лет освоения, все колонисты объединились и заявили о своей независимости. Куда проще было выкачивать все необходимые ресурсы, используя красные пески, как сырьевой придаток Земли, тем более у глобального правительства Земли были монополии на Марс: все научные, а после – промышленные экспедиции проходили под знаменами третьей планеты от Солнца. И так все и было, пока на окололунной орбите не появился космопорт «Омега».

Великими становятся по выходным

Почему-то только в детстве по-настоящему веришь в волшебство, веришь в магическую силу каких-то безделушек, веришь в магию Рождества, в магию сокровенного желания после находки четырехлистного клевера... Нужно только соблюсти все тайные ритуалы, и тогда все непременно сбудется. И только в детстве это – незыблемая истина...

– Итак, условие первое, – читал по засаленной бумажке тринадцатилетний Александр. – Нужен раскидистый дуб.

– Этот единственный в здешних местах, – ответил Джоб.

– Читай дальше, – сказал Сергей – самый серьезный из троицы. – Скоро солнце зайдет, а все надо сделать до захода, – подметил он.

– Второе: нужно написать желание на листке бумаги и, повернувшись к солнцу, прочитать его, – читал Санька. – Ну что, готовы? – произнес он и развернул свой листок, приготовившись читать.

– Я готов, – ответил Сергей.

– Я тоже, – добавил Джоб.

– Я хочу стать великим волшебником, научиться читать мысли людей, – серьезно произнес Сергей Рум.

– Я хочу быть самым богатым, – чуть слышно прошептал Джоб Сью.

– Я хочу побывать в космосе и увидеть Марс, – взглянув на первую звезду, сказал Александр Ромов.

А затем они замолчали и замерли, с надеждой смотря на закат под старым раскидистым дубом. У их ног лежала коробка из-под леденцов и три лопаты, и тут же была вырыта неглубокая ямка. Все это были условия ритуала, третьим пунктом надо было свернуть в трубочку написанное на бумаге желание, при этом перевязав ее красной шелковой ниткой. А четвертым и самым главным пунктом нужно было вместе с бумагой в тайник положить одну личную и при этом волшебную вещь. Сережа положил кусочек белого камня, как он говорил, это был обломок рога самого единорога. Джоб положил свою счастливую монету, а Санька волшебные кубики, цифры на которых были стерты и зарисованы разноцветными красками.

Самое интересное, что родители этих подростков были даже не знакомы, хотя жили почти по соседству. Отец Ромова был военным и по контракту служил на одном из кораблей. Семейство Рум – это, можно сказать, были коренные жители этого портового городка на морском побережье. А вот американским подданных, семейство Сью, в этот небольшой городок заманил выгодный контракт одной из нефтяных компаний. Русский, американец и еврей. Для тех, кто жил в то время, уже три этих слова могли звучать как шутка или начало анекдота. Но все-ленная думала по-другому и ведомая понятной только ей логикой, что самые крепкие союзы – это таинство двух абсолютно непохожих частей, делала их дружбу все крепче и крепче. Взрослые, в сердцах, радовались столь преданной дружбе, но все равно были убеждены, что это все временно: их дети подрастут и разбегутся по разным уголкам планеты. Впрочем, каждый раз, когда люди говорят, что это временно, где-то там, на небесах улыбаются, понимая, что это может быть и навсегда.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ.

ГВИНЕЯ. КОСМОДРОМ «НАДЕЖДА».

– А давай покрасим ракету в красный цвет? – неожиданно предложил Ромов. – Ты в своем уме, Александр? – смотря то на Ромова, то на ракету, возмутился Стив Андерсен. – И так все отказываются лететь на эту проклятую планету, а ты еще ракету предлагаешь перекрасить, –

возмущенно высказался заместитель главы космодрома. – Сверху, вообще, сказали, что если будут отказы от полета, то в этот раз полетим мы.

– А давай полетим, – подойдя ближе к ракете и дотронувшись до нее, произнес Александр Федорович.

– Ты это серьезно? – нервничая, подкурил сигарету ирландец. – Лететь на Венеру! Мы не пройдем врачебную комиссию.

– Пройдем, – нежно поглаживая ракету, говорил Ромов. – Мне – сорок, тебе – тридцать восемь. Мы не так стары, как кажется.

– Но это самоубийство! Три ракеты уже пропали.

– Согласен, Стив, – решительно посмотрел на коллегу глава космодрома «Надежда», – но кому-то же надо узнать истину, куда исчезли три экспедиции.

На стартовой площадке возникла пауза. Посередине космодрома стоял венец человеческой мысли – ракета, способная долететь до любой планеты в Солнечной системе. Ракета-корабль, способная нести на себе сто тонн груза и экипаж в шесть человек, белым монументом красовалась в центре стартовой площадки. Вся в белом, оплот чистоты и добра, она могла нести человеческие мечты на ближайшие звезды. И два ее создателя – Александра Федорович Ромов и Стив Андерсен – были в отчаянии: ситуация была близкой к катастрофе. Третий корабль пропал после приземления на второй планете от солнца, и это грозило стать фиаско русского ученого мечтателя.

– Не, ну а, правда, если ее перекрасить в красный цвет, – после затянувшейся паузы вновь предложил Ромов. – Понятно, что будет нагреваться в космосе, но поставим еще один охладительный модуль, и эта проблема будет решена.

Стив Андерсен, ирландец по происхождению, был хорошим инженером-ядерщиком. Он, по сути, был соавтором ракеты «Фотон». Коренастый мужичок, с рыжего цвета бородкой и зелеными глазами, он не был тучным, но из-за небольшого роста, да и на фоне Ромова, который был худощав, Андерсен казался полноватым. Ирландец отлично говорил на русском и не один год работал в паре с заслуженным русским ученым А.Ф. Ромовым. Оба были в хорошей физической форме, и если Ромов был хорошим руководителем, то Андерсен был сердцем проекта «Фотон».

Чтобы было немного понятно: около десяти лет до вышеизложенных событий, к поверхности Венеры бы отправлен космический крейсер «Астра-6» для изучения топографии планеты. На второй год наблюдений было обнаружено около десятка внеземных форм жизни.

Год, не меньше, шли дебаты о целесообразности полета на Венеру. Веским доводом в пользу полета стала ракета класса «Фотон», изобретенная группой ученых. Ее смешанные двигатели: один – на сухом ракетном топливе, второй был упрощенным вариантом электромагнитного реактора Эмиро Сунна, могли приземлиться и взлететь на любую и с любой твердой поверхности в Солнечной системе. И спустя три года после открытия внеземной формы жизни, проект по освоению Венеры был запущен.

Девятнадцатого августа был дан старт ракеты класса «Фотон» с исследовательской экспедицией на борту. Она успешно долетела до Венеры, приземлилась и спустя два часа исчезла с радара и тепловизора космического крейсера «Астра-6», застывшего на орбите Венеры. Экипаж в количестве трех человек и корабль словно растворились в вечно задымленной атмосфере Венеры. Через полгода отправили еще одну ракету класса «Фотон», она и спасательный модуль исчезли спустя час после посадки. В третьей ракете полетела группа быстрого реагирования, до зубов вооруженная современным оружием. Они исчезли через тридцать минут после посадки. Человечество было на распутье: посылать еще одну экспедицию или забыть о своих астронавтах, брошенных на произвол судьбы где-то на второй планете от Солнца, ибо, если даже военные не смогли прояснить ситуацию с пропавшими ракетами, то бессмысленны разговоры о четвертой экспедиции.

– Я вчера написал рапорт об увольнении и рапорт-прошение полететь на «Фотон-4» за исчезнувшими астронавтами, – говорил Александр Федорович.

– И именно поэтому решил покрасить ракету в красный цвет? – съязвил Стив.

– Нет, тут другое, – серьезно начал Ромов. – Помнишь, в прошлом году я отпрашивался на недельку для встречи с друзьями детства?

– Это когда вы откапывали коробку желаний из детства под большим дубом, – с долей иронии заметил Андерсен.

– Мне тоже сначала было смешно, – задумчиво, словно вспомнив все заново, произнес Ромов, а потом полез за чем-то в карман.

Это были три обычных кубика, но с одной оговоркой – грани были покрашены в разные цвета: синий, желтый, красный, белый, черный и бесцветный. Шестигранный цветной кубик ручной работы. Забавная и, на первый взгляд, бесполезная вещица.

– И что это? – разглядывая кубики, спросил Стив Андерсен.

– В детстве мы называли их «кости судьбы», – вполне серьезно ответил Ромов. – Они самодельные.

– То, что они самодельные, я заметил, – иронично подметил ирландец. – Как они работают?

– Это своего рода гадалка – кидаешь все три и смешиваешь получившиеся цвета.

– И в чем гадание?

– Получившийся цвет выигрывает или приносит удачу.

– Ну, а причем тут ракета? – удивленный столь нелепой вещицей тут же задал вопрос Андерсен.

– Смотри, – взяв в руки кости судьбы, произнес Ромов. – Какой цвет принесет нам удачу в запуске ракеты класса «Фотон» к поверхности Венеры, – после чего кинул кубики на бетон космодрома.

Выпали: красный, белый, красный.

Насмешливая улыбка тут же исчезла с лица Андерсена. Он подошел поближе, взял в руки кубики и, повторив вопрос, кинул их на бетон.

Выпали: белый, красный, красный.

– Но это не обязывает нас красить ракету в красный цвет, – прошептал удивленный Стив Андерсен, поднимая «волшебные кубики».

– А ты спроси, какого цвета должна быть ракета? – вполне серьезно предложил Ромов.

Стив Андерсен сначала опешил, но после задал этот вопрос.

Выпали следующие цвета: красный, красный, красный.

Он бросал эти необычные кубики семь раз подряд, и все время задавал один и тот же вопрос. И все семь раз выпадали цвета: красный, красный, красный.

– Это чертовщина какая-то! – возмутился Стив Андерсен. – Рядовой, подойдите сюда, – приказал постовому Андерсен.

Солдата попросили задать вопрос, и кинуть кубики.

Выпали: красный, красный, красный.

* * *

ДВА ДНЯ СПУСТЯ.

МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

– Итак, господин Александр Федорович Ромов, мы изучили ваше прошение, – говорил председатель мирового правительства Стив Мору. – Вы хотите лететь на Венеру один?

– Да, сэр, – строго ответил Александр. – Я открыл миру кремневую форму жизни, которая, по моим подсчетам, населяет планету Венера. Это единственные существа, которые могли бы жить в природных условиях второй от Солнца планеты.

– Это все слова, – тут же выкрикнул кто-то из присутствующих руководителей за полукруглым столом и тут же с возмущением продолжил: – А реальность – это восемнадцать наших соплеменников, брошенных на Венере. Я уже не говорю о миллиардах, потраченных на запуск и строительство ракет класса «Фотон». И, если мне не изменяет память, максимум, что у нас есть, это невнятные снимки со спутника и записи тепловизора космического крейсера «Астра-6», который косвенно подтверждает наличие внеземных форм жизни.

– Я понимаю скептиков, – перебил его Ромов. – У нас нет портретных фото инопланетян высокого разрешения, но для этого мы и летели на Венеру. Где наши корабли исчезли, оттуда не поступал сигнал s.o.s., там не было видно хоть какой-то угрозы, и восемнадцать человек и три корабля за доли секунд просто исчезли после разыгравшейся песчаной бури на планете, где песчаные бури – обычное дело. Там вообще не видно Солнца. Но при этом там есть жизнь. И эти, как вы говорите, косвенные снимки действительно подтверждают наличие внеземной формы жизни, которую вы же и признали.

– Кремневой, – усмехнулся кто-то из политиков. – Только послушайте: инопланетяне, сделанные из песка. Сейчас это звучит бредом, профессор Ромов.

– Вы далеки от науки, сэр, – уверенно отвечал Ромов. – Кремний в моей теории исполняет роль элемента в органической химии, заменяющего углерод. Мы – углеродная форма жизни, способная выжить при такой концентрации кислорода в атмосфере, какая есть на Земле. Атмосфера Венеры отлична от нашей, и теоретически там могли бы жить существа, в химической основе которых атом углеводорода заменен атомом кремния, – пояснял Александр Федорович. – Это базовые принципы моей теории, но если возникло желание поглубже узнать об этом, я могу подарить вам книгу с моим автографом, уважаемый скептик.

– Спасибо, не надо, – тут же ответил политик. – Предпочитаю художественную литературу.

– Я тоже, сэр, – парировал Ромов. – Как видите, наука – это так, мое хобби, подарившее мне около двух десятков наград и патентов.

– Господин Ромов, никто не ставит под сомнение ваши заслуги перед миром, – вмешался в диалог глава правительства Стив Мору. – Нам интересно другое: как один астронавт сможет осуществить полноценный полет ракеты класса «Фотон»?

Ромов не знал, что ответить. Он стоял в середине круглого стола и пытался убедить мировое правительство в своей правоте. Доводы политиков были незыблемы: одному управлять ракетой класса «Фотон» было невозможно.

Неожиданно к трибуне подошел Стив Андерсен и попросил слово.

– Господа, если позволите, я тоже хотел бы подать рапорт на право полета вместе с моим другом, – заметил ирландец.

– Теперь их двое, – съязвил кто-то из руководителей. – В принципе, долететь до Венеры они смогут, но смысл?

– И вернуться сможем, сэр, – тут же дополнил Ромов.

– Допустим, – оборвал их председатель мирового правительства. – Допустим, мы одобрим четвертый полет.

– Это будет честью для нас.

– Я повторяю: допустим, – перебил его политик. – Вопрос, господин Ромов, почему красный? Насколько я осведомлен, изменения цвета приведет к нагреванию ракеты.

– Да, сэр, но мы увеличим на две секции охладительную систему, и проблема будет решена, – тут же ответил русский ученый.

– Но почему, в таком случае, красный, а не синий или зеленый? – не успокаивался политик.

– Это суеверие, сэр, – ответил Ромов. – Ракета должна быть красной, и если я полечу на ней, она будет только красной.

– Русские почти все такие, – вмешался в диалог Стив Андерсен. – Я его знаю уже десять лет, и если он во что-то верит, то это работает.

– Еще один нюанс: почему нельзя добраться до Венеры на космолетере «Астра-6» и выполнить приземление на капсуле, тем более что сейчас у нас есть такая технология, благодаря вам, Александр Федорович. Приземлиться, узнать, что произошло и вернуться на Землю на космолетере «Астра-6», – неожиданно предложил Стив Мору. – Зачем лететь на ракете класса «Фотон»?

– «Астра-6» сейчас на орбите Марса с исследовательской миссией. Чтобы прервать экспедицию и, забрав нас, полететь к Венере уйдет порядка трехсот восьмидесяти дней. Модули жизнеобеспечения в ракетах класса «Фотон» рассчитаны на сто дней, это значит, что первую экспедицию нам уже не спасти, а вторая умрет на полпути полета к Венере. И если мы произведем старт позднее первого августа текущего года, то мы не застанем в живых и третью экспедицию, – объяснял Ромов.

Возникла пауза. Все молчали, политики понимали, что идея четвертой экспедиции безумна, и это не прибавит им очков в политической карьере. Но что-то подсказывало, что этот русский знает, что делает, и он непременно вернется домой.

– Господа! – прервав молчаливое раздумье, неожиданно заговорил Ромов. – Я смотрел в глаза каждому из восемнадцати астронавтов, исчезнувших на этой чертовой планете, и я не прошу себе, если не узнаю истинную причину их исчезновения. Поверьте мне – я вернусь, я не имею права не вернуться. И если на этой планете есть опасность для человечества, я первый подпишу прошение о бомбардировке ее поверхности. И лично буду сбрасывать бомбы на Венеру с крейсера «Астра-6», но сегодня мне надо туда полететь, потому что мне надо узнать истину.

* * *

Запуск ракеты класса «Фотон» запланировали на третье июля. Кандидатуры Стива Андерсена и Александра Федоровича Ромова все же одобрили после горячих и неоднозначных дебатов. Дело в том, что человечество просто боялось новых потерь, а тут – два добровольца. В принципе, в ЦУПе понимали, что это будет не крайним, а все-таки последним полетом на вторую планету, вне зависимости от исхода спасательной экспедиции. Это же понимал и Ромов: три провальных экспедиции, три корабля исчезли. Александр Федорович был реалистом и оценивал свои шансы на выживание очень трезво. А шанс вернуться назад был вообще почти нулевым. Но он должен был лететь. Словно капитан, чей корабль шел ко дну, он почти так же должен был идти до конца, и если суждено потерпеть в четвертый раз поражение, то пускай это будет его личное поражение.

ТРЕТЬЕ ИЮЛЯ.

«С вами главный новостной канал «Глобал Ньюс» и я, Сара Бентон. Мы ведем репортаж с острова Гвинея. Отсюда, за моей спиной, через пару секунд произойдет старт четвертой ракеты класса «Фотон». Ракеты, способной долететь до Венеры, но мы помним печальную участь трех предыдущих ракет. Прошу прощения, пошел отсчет... Тридцать секунд, продувка первой ступени, стоит невероятный шум, – говорила корреспондент в прямом эфире, ведя репортаж с места запуска ракеты. – Я с трудом слышу свой голос, это потрясающее зрелище! Итак, вы слышите, как люди отсчитывают: пять, четыре, три, два, один... Она оторвалась, это потрясающе! Она... она летит! Я впервые вижу старт с такого расстояния, то есть так близко! Прошу прощения за каламбур и несвязность: это все эмоции! – репортер сделала небольшую паузу, а оператор навел объектив на стремительно удаляющуюся красную точку на голубом небе. Спустя минуту Сара Бентон заговорила: – «Красная ракета надежды» полетела. Многие не верят в успех спасательной экспедиции к Венере, скептики говорят, что к списку человеческих жертв на Венере в ближайшее время добавится еще два имени. Но лично я и большая

часть человечества верит в вас, ребята, и вы обязательно вернетесь, раскрыв секрет Венеры. Мы с вами, Александр Федорович Ромов и Стив Андерсен! Мы с вами, герои современности, мы с вами. Это была Сара Бентон, специально для «Глобал Ньюс».

– Выключи, – попросил Ромов, отстегнувшись от кресла.

– Мы герои, Шура, – с иронией подметил Андерсен, переключив телетранслятор. – Через полчаса радиосигналы исчезнут, и нам придется сто суток как-то себя развлекать, так что наслаждайся благами человечества, пока они еще доступны.

– Телевидение – это ошибка человечества, – плавая по каюте, ответил Александр Федорович, – от него одни беды. Ты заметил, люди даже не задумались, почему красный цвет. Им все равно: кто мы и почему покрасили ракету. Им надо поскорей услышать новость, что мы не вернулись, что мы погибли, – говорил Ромов.

– Ты драматизируешь, Шура, – улыбнувшись, ответил Стив.

– Нет, мой друг, опасность не вернуться так же реальна, как и то, что мы здесь. Я не боюсь смерти, мне жалко брата, ему одному будет нелегко. Эдгар в душе романтик. Это он снаружи такой серьезный дядька, – говорил Ромов.

– А ты, я смотрю, как там у вас говорят, махровый прагматик, – засмеялся Стив. – Покрасил ракету в красный цвет, потому что так сказали какие-то кубики из детства, пролежавшие в земле под дубом тридцать лет.

– Двадцать семь, – поправил его Александр Ромов.

– Ты самый сложный и непонятный русский, которого я встречал в жизни, Александр Ромов, – нервно говорил Стив. – И если бы не твое чутье и то везение, то ни за какие бы деньги в мире я не полетел бы с тобой на Венеру.

– Я тоже, – ответил Ромов.

– Шура, не зли меня, – говорил Стив. – Я – ирландец, и ваш юмор не понимаю!

– Все, все, молчу, – улыбнулся Ромов. – Может, вернемся пока не поздно? – как-то по-особому, с долей юмора, предложил он.

– Я тебя сейчас убью, – отстегнув ремни, полетел за ним второй астронавт.

– А вы, островитяне, еще и летать толком не умеете! – убегая от него, подтрунивал Ромов.

– Ромов! – нервно произнес Стив Андерсен и изо всех сил поплыл за русским астронавтом, в надежде догнать обидчика.

* * *

До Венеры оставался один день полета.

– Господин Ромов! – влетел на капитанский мостик Андерсен. – Вы ужинать собираетесь?

– Прости, Стив, иду, – ответил капитан корабля.

– Ну-ну, хочу посмотреть, как ты пойдешь!

– Черт, все никак не могу привыкнуть, что мы в невесомости, – оправдывался Александр Федорович. – Вот что значит гражданский ученый на космическом корабле.

– Александр Федорович, еда остывает, – заметил парящий в воздухе ирландец. – И может так статься, что это наш последний ужин.

– Крайний, Стив, – поправил его русский. – Никогда не говори последний: крайний ужин.

– Интересные вы, русские, верите в суеверия, – улыбаясь, подметил Стив Андерсен. – Но при этом полностью отрицаете логику вещей.

– Кубики никогда не ввали, – немного грустно ответил Ромов.

– Я же говорю: верите суеверию и отрицаете реальность. Три корабля, восемнадцать человек исчезли без ведомых на то причин, – размышлял Андерсен. – Там явно что-то не то. Ну да, Бог с вами, русские, многие из вас все-таки становятся великими, но, если ты не забыл, я обычный ирландец, который чертовски голоден, и, как ты говоришь, мой крайний ужин остывает! – немного раздраженно добавил он.

– Все, все, Стив, – проверив навигационные приборы, ответил Ромов. – Летим, друг, летим.

На ужин был борщ в тюбиках, индейка в соусе в пищевых пакетах и по пятьдесят грамм коньяка, который числился как неприкосновенный запас, предназначенный для особых случаев, например, для таких, как этот, ведь через пару часов их ждала пугающая неизвестность Венеры.

– Думаешь, это местные жители убили астронавтов? – нарушив затянувшуюся паузу, спросил Андерсен.

– Вряд ли, – тут же ответил Ромов, – мы пытались связаться с ними на всех известных нам языках, но они молчали.

– Правильно: ждали, когда жертва сама к ним придет.

– Ну ладно, первая и вторая ракеты, там были астронавты-ученые, но в третьей были спецвойска, лучшие из лучших. И если бы это сделали инопланетяне, то были бы следы военного конфликта. А группа «Альфа» просто исчезла: на видео – серые клубы песка с огромной скоростью врезаются в них, и сигнал тут же пропадает, – рассказывал Ромов. – Там есть что-то необычное, и это что-то или кто-то виновно в исчезновении кораблей.

– А мне кажется, что все куда проще: там есть разумная форма жизни, которая не желает инопланетного контакта, – стоял на своем Стив. – И мы летим в ловушку!

– Может, ты и прав, – закончив ужин, ответил Ромов. – А может, мы оба правы, что еще хуже для нас.

Стив Андерсен на это замечание ничего не ответил, и Ромов неторопливо полетел на командный мостик, продолжив мониторинг приборов навигации. До Венеры оставалось ровно два часа полета.

Она была меньше Земли, так всегда писали в учебниках по астрономии, но наблюдая за этой планетой в иллюминатор, у команды создалось впечатление, что она больше нашего дома. Венера бурлила, серые и пепельные облака двигались с немыслимой силой в разных направлениях, кое-где образовывались громадные смерчи, но при всем этом не было видно ни сажени на поверхности серой планеты.

Огромная планета рвущихся наружу вулканов и капающих с неба кислотных дождей. Планета серых камней, грязных океанов, таинственная и непознанная Венера, словно ждала пришельцев из другого мира.

* * *

Ракета класса «Фотон» произвела посадку без происшествий. Поверхность оказалась песчаной, и повсюду были отвесные скалы, большие валуны и песок. Песок – серый, черный, белый, и он был повсюду. Астронавты боялись выходить, но за бортом корабля была тишина и умиротворенность. Казалось, планета затаилась перед прыжком, затаилась, пристально наблюдая за новой жертвой.

– Все тихо, Андерсен, – заговорил первым русский.

– Не совсем, – прошептал Стив, ведя наблюдение из другого иллюминатора.

– Что значит «не совсем»? – Ромов подошел к нему: – Что тут необычного? Обычная песчаная туча облепила белый камень.

– Это не камень.

– Да, ладно! – вглядываясь вдаль, прошептал Ромов, но через мгновение его удивлению не было предела.

Белый камень, словно большой земляной червь, пытался уйти под землю от песчаной бури, которая была словно живая. И это зрелище ужасало, потому что ему не было объяснений. Люди готовы были к тому, что на поверхности Венеры есть жизнь, но никто не был готов к тому, что там сейчас происходило. Камни, песок – все было живым. И это объясняло поведение бури: она была живой, вероятнее всего, состояла из маленьких живых существ, объединенных в

общий рой. Спустя время были сделаны пробы атмосферы, и выяснилось, что она на семьдесят процентов состояла из аммиака. Апогеем увиденного стали появившиеся красные человечки невысокого роста.

– Ты видел? Ты видел? – закричал Ромов. – Красный карлик с четырьмя руками!

– Это потрясающе, Ромов! Планета живая! Здесь все живое! – говорил Стив. – О, черт! – он неожиданно отскочил от окна.

На стекло село маленькое насекомое с огромными шипами и черными глазами. У него было восемь ножек, крылья и огромные, торчащие во все стороны шипы, которые, казалось, были из камня. Словно приносясь к стеклу, насекомое попыталось на него напасть и начало быстро вбуравливаться в его поверхность, словно сверло. Тут же подлетело еще пять или шесть подобных инопланетных тварей, и они тоже попытались пробурить стекло. Через минуту уже рой насекомых пытался разбить стекло, и это продолжалось минут двадцать. Летающие твари не трогали обшивку, но с неистовой силой атаковали иллюминаторы, пока к ракете не подошли красные человечки. Они передвигались на двух нижних конечностях, но при этом у них было четыре руки с массивными кистями, чем-то похожими на камень. Тело было покрыто ярко-красным песком, словно шерстью, лицо было круглым и с четырьмя глазами. И, честно, возникало ощущение, будто красные каменные скульптуры ожили и ходят вокруг корабля. Их вид почему-то отпугнул кровожадных тварей, и те огромным роем отлетели от корабля.

– Стив, надо красить скафандры в красный цвет и выходить из ракеты, – наблюдая за всем происходящим, неожиданно предложил русский астронавт.

– Ага, чтобы теперь эти твари поужинали нами? Ты видел, как рой насекомых испугался их? – ответил испуганный ирландец.

– Да, нет же! Смотри – они молятся на нашу ракету, – сделал предположение Ромов.

И действительно: маленькие красные человечки, встав на колени, кланялись ракете, при этом что-то выкрикивая, на непонятном и шипящем инопланетном языке. Ромов покрасил свой скафандр в красный цвет и первым совершил контакт с внеземной цивилизацией. Его почему-то приняли за божество, это было необъяснимо, но это потрясло до дрожи.

Красные человечки провели астронавта в пещеру, где оказался целый город с выдолбленными в камне маленькими пещерками. Тут же Ромов увидел еще одну разновидность маленьких человечков, на этот раз, черного цвета с ярко-красными глазами. В центре пещеры горел костер насыщенного зеленого цвета, и стоял высеченный из камня монумент, чем-то похожий на ракету класса «Фотон». Рядом с ним в сидящем положении находился пустой скафандр кого-то из первых астронавтов, вступивших на Венеру.

– Рисунки, – указывая на наскальную живопись, говорил Ромов. – Когда вы их нарисовали? – пытался на пальцах разговаривать с инопланетянами русский астронавт, но слышал в ответ лишь шипение и низкие поклоны.

А на каменных стенах была нарисована недавняя история. Три белых ракеты, похожие на «Фотон», были атакованы опасным роем насекомых, красный народец запечатлел эту трагедию на стенах своего города. Там же Александр Федорович узнал, что эти летающие твари питаются белыми песчаными червями. А эти огромные каменные черви, в свою очередь, охотятся на красных человечков. Замкнутый биологический цикл.

– Они приняли ракеты за червей и поэтому атаковали их, – закончив изучать рисунки, прошептал Ромов. – И получается, что пропаша экспедиций была простым совпадением. Одна форма жизни, столкнувшись с другой, вмешалась в ее природный цикл и была уничтожена, – он перезарядил батарею камеры, которой фиксировал все свое передвижение по поверхности Венеры и продолжил съемку.

Через час с небольшим, когда красные и черные карлики попрятались в свои пещерки, Ромов поспешил незаметно удалиться. Быть божеством приятно, но объем кислорода в скафандре был не вечным, поэтому надо было возвращаться на корабль.

* * *

– Ромов, твою мать! – увидев бегущего русского, закричал в рацию Андерсен. – Я хотел уже лететь без тебя.

– Это просто потрясающий мир, Стив, – окрыленный всем происходящим на ходу говорил Александр Федорович. – Здесь все живое, и этот мир растет и развивается по общим с нашим миром законами. Это потрясающе, Андерсен! Я все заснял, мы войдем в историю, Андерсен, мы войдем в историю.

– Для этого надо сначала долететь до этой истории, – подав русскому астронавту руку, произнес Стив. – И если ты не заметил, эти летающие твари снова появились.

– Долетим, – забравшись в пусковой модуль, ответил Ромов. – Мы теперь не имеем права не долететь.

Через двадцать минут ракета класса «Фотон» с двумя астронавтами вышла в открытый космос и взяла курс на третью планету в Солнечной системе.

Они летели домой.

* * *

ДВЕНАДЦАТОЕ АВГУСТА.

«У меня трясутся руки от волнения! Мы находимся в семидесяти километрах от Лос-Анджелеса. И сейчас на ваших глазах происходит распечатывание спасательной капсулы ракеты класса «Фотон» с двумя живыми, как мне подсказывают коллеги, астронавтами на борту.

Это потрясающее событие для человечества. И я уверена, что эта двенадцатая суббота августа войдет в историю всей планеты, – вела репортаж Сара Бентон. – Итак, смотрите! Смотрите: их выносят, они живы, они живы! Александр Федорович Ромов и Стив Андерсен – два первых человека, сумевших побывать на Венере и вернуться. У меня нет слов... Двенадцатое августа, суббота. Я – Сара Бентон, специально для «Глобал Ньюс». Именно так и становятся великими, люди, именно так!», – последнее, что произнесла репортер, а весь мир, не жалея эмоций, радовался маленькой победе человечества в великой миссии по освоению космоса.

Впрочем, уже на следующий день в кабинете Стива Мору состоялся не очень приятный разговор.

– Давайте так, Александр Федорович, мы сообщим, что планета необитаема, а наши астронавты погибли из-за извержения вулкана, их корабли были уничтожены за доли секунд. Этот факт объяснит потерю сигнала и отсутствия призыва о помощи, – расположившись в кожаном кресле с бокалом бренди, рассуждал Стив Мору.

– Но, – попытался было возразить Александр.

– Подождите, я не закончил, – тут же оборвал его глава мирового правительства. – Так вот, мы дадим вам звание, премию, хорошую пенсию, в общем, все, что пожелаете. Кстати, ваш друг уже согласился на наши условия и отправился на отдых с семьей.

В действительности, как только спецслужбы получили от Андерсена информацию, что видеоотчет о проведенной экспедиции у Ромова, его навсегда закрыли в психиатрической лечебнице. И до конца своих дней, как ни пытался Александр связаться с другом, предлагая ему приехать, навестить его, он всегда получал непонятный ответ с каким-то витиеватым отказом. При этом Стив Андерсен то и дело присылал фотографии и видео его счастливой жизни.

– Зачем вам это? – неожиданно задал вопрос Александр.

– Понимаете, это как запретный плод: вы показали миру, где он растет, и теперь каждый захочет его попробовать, – отвечал Стив Мору. – Если вам нужна слава, мы дадим ее вам, нужны деньги, то, пожалуйста, но та истина, которую вы привезли с Венеры, не нужна людям. Мы будем изучать эту планету, и когда придет время, расскажем миру о вашем открытии, – пояснял глава правительства. – Но не сейчас, Александр Федорович! Итак, давайте напрямую: какова цена вашего молчания?

Ромов интуитивно, каждой клеткой своего тела почувствовал, что его собираются убрать. И это все предлог, чтобы отвлечь его бдительность. И как только спецслужбы поймут, что все видеоматериалы экспедиции у них, русский ученый исчезнет.

– Отдайте мне космодром «Надежда» и свободный коридор полетов до Луны, – немного подумав, ответил Александр.

– Зачем? – удивился Стив Мору.

– Займусь бизнесом, – первое, что пришло ему на ум. – Мои ракеты крепкие и могут тянуть приличный груз. Организую с братом транспортную компанию, будем заниматься перевозкой, – ответил он.

– А взамен вы отдадите копию отснятого материала, – сделав большой глоток алкоголя, произнес грузный седоватый мужчина.

– Нет, – тут же ответил Александр. – Взамен я дам пресс-конференцию, на которой расскажу всем вашу версию произошедшего и буду молчать, а копия материала будет моей защитой, и пока она будет у меня, я так понимаю, буду жив.

– Вы хоть понимаете, с кем торгуетесь, Александр Федорович Ромов? – с презрением посмотрел на ученого политик.

– Это моя цена за молчание! – резко встав, ответил Александр и поспешил удалиться.

Никто не знает, почему Стив Мору согласился на условия этого человека. Политической машине ничего не стоило избавиться от одного из своих винтиков. Но в тот день, в компании брата Эдгара, Александр первый раз в жизни удивился. Махровый политик дал ему положительный ответ, и такое решение было непонятным. Аренда космодрома и космический коридор сроком на пять лет даже поставили в тупик Александра. Ведь он рассчитывал на войну, маленькую информационную войну против мирового правительства, а тут такие уступки и такая щедрость.

– А чего ты удивляешься? – дочитав ответ политика, сразу же подметил Эдгард. – У него перевыборы через четыре с половиной года, а после победы на них, за десять лет нового срока он от тебя избавится, или всю тайну Венеры донесут до людей. Отдать убыточный космодром и право полета, это «пшик» в сравнении с той информационной бомбой, что ты разрыл на Венере. И даже если ты улетишь жить на Луну, чего, кстати, он от тебя и ожидает, Стив Мору также будет в выигрыше: Луна далеко, и избавиться от тебя будет еще проще. Как вариант, они закроют тебя и будут присылать отчеты, что ты жив и здоров, а значит, люди, которым ты оставил копии видео, не будут беспокоиться, – рассуждал брат.

– А я, было, подумал, что в этом мире добро начало побеждать, – рассмеялся столь простому и лаконичному ответу Александр.

– Значит, говоришь, бизнесом заняться?

– Да, это я так ляпнул, сгоряча.

– Не, а идея-то хорошая, Сань!

– Хорошая идея – построить космопорт на орбите между Луной и Землей, – неожиданно предложил старший брат.

– И кстати Шура для тебя – это будет единственное место, где Мору тебя не достанет, – тут же добавил Эдгар.

И замолчал, лукаво поглядывая на брата. Он всегда так делал, когда в его хулиганскую голову приходили самые безумные мысли. И Санька, порой, боялся такого взгляда брата: уж больно много раз им влетало от родителей за всевозможные выходки в детстве и юности.

– А давай, правда, построим твой космопорт, – неожиданно произнес он и подошел к серванту, где стоял особый коньяк. Их отец открывал эту бутылку и выпивал стопочку всякий раз, когда начинал писать очередную книгу. Это было небольшим хобби военного офицера.

– Нет-нет, Эдгар, давай просто улетим на Луну, – тут же, словно в детстве, испугано зашебетал Александр.

– И не попробуем, каково это? – разлив остатки матовой бутылки по бокалам, произнес Эдгар. – Отцу бы понравилась эта идея, – поднеся бокал с янтарного цвета жидкостью брату, прошептал младший Ромов.

– Эд, всякий раз, как я соглашаюсь на твои авантюры, мы получаем взбучку, – говорил Александр.

– На этот раз – это твоя идея, я просто представил себе, как это будет круто – иметь свой космопорт, – говорил Эдгар. – А про взбучку: ей-богу, я многое бы отдал, чтобы меня опять оттрепали за уши, брат, – сквозь слезы улыбнулся Эдгар.

– И не говори, брат, – чокнувшись, прошептал Александр. – А знаешь, мы весь мир сделаем, и ты прав, что это круто – иметь свой космопорт.

– Да будет так, брат, да будет так, – сделав глоток, прошептал младший брат, Эдгард.

Коньяк был вкусным. Отец Ромовых, конечно, поворчал бы на сыновей за то, что они, вместо творческого создания очередной книги, занялись каким-то там строительством. Но, впрочем, где-то там, на небесах, он видел все и радовался за сыновей, словно это он все придумал, словно это он все затеял, и пока они помнили о нем, он всегда был рядом, пятый страж, ангел-хранитель и просто любящий отец. Он был рядом, и что бы они ни делали, он помогал им. Наверно, поэтому холодный космос стал их вторым домом, и даже спустя годы, бывая на Земле и Луне, их всегда тянуло назад, в тот искусственный громадный терминал где-то на орбите между Землей и Луной. Почему – никто не знал, и только братья догадывались, что частичка отца тоненькой нитью была вплетена в стены космического терминала, ибо они все же его попробовали, тот самый особый коньяк отца, и он, правда, был вкусным.

Монеты номиналом 10 рублей

Все началось с монеты, которую прадеду Александра Федоровича Ромова дали на сдачу в одном из маршрутных автобусов в то время, когда эти самые автобусы еще были с водителями и ездили по дорогам. Кто бы мог подумать, что ее цена через сто восемьдесят лет будет в миллион раз выше номинала. Сам водитель об этом и не подозревал, хотя в то мгновение он понял, что видит такую монету впервые и отложил ее в сторонку, но то ли от усталости, то ли это была воля провидения, он под конец рабочей смены все же отдал ее торопившемуся студенту на сдачу. И именно так Сергей Геннадьевич Ромов нашел свое хобби, которое прошло с ним до конца его долгой и счастливой жизни.

По сути, это были обычная монета номиналом десять рублей. Единственный нюанс – тираж монеты приходился на конец года и монетный двор, мягко говоря, не успевал в сроки, и тогда было принято решение выпустить юбилейные монеты из серии «Российская Федерация» небольшим тиражом – всего лишь сто тысяч штук. И тут же обычные десять рублей после такого решения монетного двора уже на выходе из здания стали стоить сто рублей, через месяц цена возросла до тысячи, а через два года – до десяти тысяч. И таких монет в том далеком 2010 году было три. И поэтому вдвойне невероятно: как одна из этих монет могла очутиться в свободном обиходе? Но факт остается фактом, и, разглядывая вечером монету номиналом десять рублей с двумя медведями на чеканной стороне орла, Сергей сделал очень важный вывод: лучше эту монету не тратить, уж больно она интересная. А когда этот юноша начал собирать информацию о монете с двумя медведями на обороте выяснилось, что эта десятка стоит около одной тысячи рублей. Ну, тут, как говорится, все и началось.

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АУКЦИОН В КАННАХ.

– Дамы и господа, – начал ведущий аукциона, перед немногочисленной, но элитной публикой, – Главный лот сегодняшнего дня – семьдесят семь уникальных и редких монет, коллекционного дома Ромовых, это сердце коллекции с историей длиной в сто пятьдесят лет, такого лота еще не было на нашем аукционе. Полный список всех позиций перед вами. Начальная цена – одна тысяча золотых единиц, один шаг торгов с учетом ценности данного лота сто единиц.

– Тысяча сто, – тут же выкрикнул кто-то из публики.

– Тысяча сто – принято! Одна тысяча сто – раз, – начал ведущий аукциона, постукивая деревянным молоточком по зеленому бархатному сукну стола.

– Тысяча пятьсот! – кокетливо произнесла дама в черном.

– Две тысячи, – улыбнувшись, прошептал грузный мужчина во втором ряду.

Торги начались. Александр, признаться, нервничал, он помнил тот трепет отца, с которым тот увеличивал коллекцию деда, ту неподдельную радость каждой новой монете. Его прадед любил говорить: «Не гонитесь за дорогими и старинными монетами, собирайте то, что дешево в твою эпоху, ибо после твоей смерти оно будет стоить целое состояние!». Ромовы так и делали: они собирали каждый исключительно монеты своего времени, потихоньку превратив семейное хобби в одну из самых больших нумизматических коллекций мира.

Лот номер 734 после часа торгов купил некий аноним из Америки за двадцать шесть тысяч золотых единиц. Это были огромные деньги, годовой бюджет небольшого округа или крупного мегаполиса. Но Александр потребовал от организаторов аукциона назвать имя купившего дорогие ему монеты, ему хотелось узнать, в чьи же руки попала жемчужина коллекции Александра Федоровича.

– Сэр, – немного нервничал от возникшей ситуации глава аукциона. – Это вне наших правил, обычно мы не знакомим покупателя и продавца, но в связи с исключительностью сделки мы сможем предоставить эту информацию только через час, не раньше.

– Почему? – удивился Александр.

– Покупатель сделал стопроцентную предоплату, деньги уже на счету, – объяснял седоватый француз в смокинге. – И мы всегда сталкивались с тем, что продавцу без разницы кому достался тот или иной лот, но в вашем случае вы потребовали открытости. Несмотря на то, что по правилам торгов мы не разглашаем информацию, но в связи с исключительностью сделки, мы можем пойти на эти уступки, при условии согласия открытости обеих сторон. После вашего желания узнать имя покупателя мы отправили запрос анониму из Америки, и если он согласится на условия публичности, ваше желание будет удовлетворено, – говорил француз. – Вот именно на эти согласования и уйдет, в среднем, час времени. Я надеюсь, вы располагаете временем для ожидания.

– Понятно, – улыбнулся Александр.

– Вы можете с вашим другом проследовать в комнату для гостей, – тут же услужливо предложил глава аукциона. – Напитки, еда – все за счет торгового дома. Прошу вас, господин Ромов.

– Ну, раз за счет дома, – подмигнув другу, произнес Ромов. – Серега, пойдем, обмоем удачную сделку.

– Это как сказать, Ромов. Теперь эти монеты стоят минимум эту цену, – улыбнулся Сергей Рум.

– Ты прав, – подметил Александр, – Но не будем о грустном. Отец бы не позволил мне этого сделать. Но как говорится наша с братом цель куда важнее монет, но одну в два евро я все-таки оставил для себя, на память.

– Чудной ты, Ромов! – улыбнулся Сергей, – И раз уж ждать целый час, давай выпьем хоть за их счет, они же все равно с тебя сдерут процент за сделку.

– Еще какой процент, – улыбаясь, подметил Ромов. – Неприлично большую сумму денег.

Комната для гостей ничем не отличалась от типовой гостиницы класса VIP. Повсюду имитация дерева и шелка, все в теплых тонах с типичными громоздкими позолоченными люстрами и бра. Уютно, дорого, но это был банальный номер в отеле, со своей гостиничной энергетикой, со своим холодом, и отсутствием особого домашнего уюта.

Два ученых заказали только алкоголь и легкие фруктовые закуски, и под воспоминания детства, наполнили эти холодные апартаменты какой-то особой теплотой. И то ли алкоголь, то ли это шло изнутри двух давних друзей, но в номере стало уютнее, и люстра уже не казалась столь громоздкой, а наоборот ее даже было мало в этой огромной комнате. Мебель и интерьер по невидимым изначально царапинкам, сколам, шероховатостям стала словно живой, и уже не хотелось отсюда уходить, а тот отведенный им час ожидания, словно нарочно, все быстрее и быстрее хотел закончиться.

– Слушай, Серега, – лукаво улыбнувшись, покуривая трубку, начал Александр Федорович. – А ту красотку помнишь, она с Джобом была? Ну, когда мы шкатулку из детства раскопали.

– Александра, – как-то сразу напрягся Сергей Рум. – Ее зовут Александра Ким, она секретарь Джоба.

– Ну да, – еще более лукаво произнес Александр Ромов. – Так ты с ней, ну это?

– Санек, это сложная история, – тут же, словно отрезвев, насторожено ответил Сергей. – Вроде любовь, все серьезно, но сам понимаешь, друг детства, да и она для него не просто секретарь, они живут вместе.

– Она его любит?

– Нет, – грустно ответил Сергей Рум. – Только деньги. Хотя лучше бы любила, мне бы так было проще, был бы любовником и хватит. А так все как-то всерьез: она хочет семью, детей, а куда? У меня семья, НИИ. Я привык к такой жизни, да и мне нравится так жить.

– А она тебя любит?

– Говорит, что да, – налив себе еще выпить, заметил Сергей Рум. – И ведь сорок лет разменял, сказать, что не было баб, так нет же – половину НИИ затянул в постель, а тут, как в юности с Лизкой, помнишь?

– Кстати, она тоже была подружкой Джоба, – улыбнулся Александр.

– Это, реально, не смешно, Ромов! – серьезно ответил Сергей. – Джоб нанял телохранителей для нее, они никого не подпускают к ней.

– Бойтся во второй раз потерять подругу, – с еще большей иронией подметил Ромов. – Вам везет на общую любовь, Серега! Хотя эта секретарь того стоит, она, кстати, по-моему, еще и поет, или даже актриса?

– И то и другое, Санек, – грустно заметил Сергей. – И чем больше Джоб пытается ее удержать, тем страстнее наши встречи.

– Да, Серега, в этот раз синяками не отделаешься, – подметил Ромов. – У Джоба есть и деньги, и выходы к властным структурам, начни с ним войну – проиграешь.

– Не факт, – как-то нервноотреагировал Сергей Рум.

Возникшая пауза напрягала. Разговор перешел в ту остроугольную плоскость, где, как ни пытался Сергей Рум, но на тот момент не было никакого логического решения. Отсюда и возникла пауза.

– А на кой тебе столько денег, Санек? – заговорил первым Сергей Рум.

– Хотим с братом построить космический терминал на орбите между Землей и Луной, – тут же ответил Ромов, радуясь, что друг сменил тему.

– Зачем?

– Деньги, – улыбувшись, заметил Ромов. – Смотри: моя ракета тянет до Луны сорок процентов топлива и шестьдесят процентов груза, а если мы построим порт, то достаточно будет лишь десять процентов топлива и, следовательно, девяносто процентов под груз. Так что, сам посуди, тридцать процентов лишнего груза – это половина нынешнего максимума.

– Ну, это, понятно, выгодно, – улыбнулся Сергей Рум. – А ты в курсе, что эта стройка лет на двадцать? Да и космических инженеров в мире – раз, два и обчелся.

– Именно поэтому я и нашел тебя в Каннах, – задумчиво подметил Ромов. – Ты – ученый, профессор, член академии наук, тебе проще будет найти молодых талантливых ученых, работающих в смежных областях.

– А знаешь, правда, есть одна научно-исследовательская лаборатория в Новосибирске, – вполне серьезно начал Сергей Рум. – Я видел их заметки в журнале «Наука». Они пытались вытянуть на рынок метод молекулярной сварки.

– А по-русски?

– Санек, ты ракеты создаешь, а ощущение – будто ты даже школу не заканчивал, – съязвил Рум. – Они в лабораторных условиях смогли связать органическую модель молекулы с неорганической, у них получился живой металл. Молекулы делились и сплавляли швы, словно это был монолит.

– Слушай, а это идея! – улыбнулся Ромов. – Если это будет работать в условиях космоса, сроки строительства сократятся в два, а то и три раза! Как, говоришь, зовут того научного руководителя?

– А я не называл имени, Санек, – улыбнулся Рум.

– Верно, – смотря ему в глаза, прошептал Александр Ромов.

– Я знаю только автора статьи в электронном журнале.

– И?

– Рови, некто Адам Рови, – ответил Сергей Рум. – Младший научный сотрудник Новосибирского НИИ.

Александр Федорович взял ручку и записал на белоснежном столе имя и фамилию ученого. И в эту же минуту в комнату вошел директор торгового дома, который на долю секунды потерял дар речи от увиденного им действия русского коллекционера.

– А, это вы, – невозмутимо улыбнулся Александр. – Ну, что, связались с покупателем?

– Да, сэр, – поглядывая то на Ромова, то на стол ответил директор.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Александр. – Да, и распишите стол, мне важна эта надпись, – приказал Ромов.

– Может, лучше бумагу принести, господин Ромов? – услужливо предложил директор торгового дома.

– Нет, – ответил Александр. – Стол знаковый, – он ткнул пальцем в надпись, – этот человек дороже вашей деревяшки, хотя мы и не знакомы.

– Хм-ха, – едва сдерживая смех, Сергей Рум отвернулся.

А директор на полном серьезе приказал выпилить написанное Ромовым и в футляре преподнести особому гостю и клиенту торгового дома. Кстати, все это было за счет нумизматического аукциона, впрочем, сделка с монетой принесла этому дому пять процентов от стоимости лота, а это были большие деньги.

Покупателем оказался Джоб Сью. Совпадение, скажете? Может быть, но, сам того не ведая, Александр Ромов подставил своего друга. Ищейки Джоба были уверены, что Сергей Рум был у себя в лаборатории и увлеченно работал. А мисс Александра Ким была под особым присмотром в Каннах, в качестве приглашенной гостьи на очередной фестиваль кино.

Джоб догадывался, что после той встречи трех друзей что-то изменилось в их отношениях с Александрой Ким, она стала другой. Словно шестнадцатилетняя девчонка, порой, задумчиво улыбалась, была так трогательна и рассеяна, но, главное, в ее взгляде появился тот странный и чуждый для Джоба огонек. Джоб был не глуп, и он сразу заметил, как смотрели друг на друга Александра и Сергей, как они тайком поменялись телефонами в ресторане, когда Джоб предложил всем отпраздновать находки из детства. Он все видел. И, конечно, он трезво относился к их отношениям с Александрой: она не любила его настолько сильно, как могла любить Джульетта своего Ромео. Но чувства были: долгие годы ухаживания, заботы и добра, которыми Джоб окутал ее, зародили в ее сердце мысли о некой влюбленности. И она даже поверила сама себе, что он именно тот единственный мужчина, который дарован ей небом. В ее голове даже появилась мысль встретиться с ним старость, настолько теплый и нежный был их союз. И было лишь одно «но» – Джоб не хотел детей, и это отрезвляло Александру, но привычка жить за чужой счет держала ее возле Джоба.

Джоб как чувствовал, что эти монеты будут из той самой коллекции Ромовых, и, в принципе, его это не пугало. Деньги, отданные за лот для него, были большие, но он мог себе это позволить. Он даже мысленно представлял лицо Александра Ромова, когда тот узнает – кто покупатель, но вот увидеть на заднем плане еще одного своего друга Джоб Сью не ожидал. И в тот момент весь тот мучивший его любовный паззл сошелся.

– Убейте его! – выключив видеотранслятор, прошипел Джоб.

– Ромова? – удивленно подметил начальник охраны.

– Нет! – швырнув в него граненый стакан, закричал Джоб. – Рума! Сергея Рума! Как хотите, но убейте его!

– Хорошо, сэр, – ответил начальник охраны, и хотел, было, удалиться.

– Стой! – остановил его Джоб. – Она не должна видеть его смерти! Несчастный случай, ограбление – как угодно, но только не из-за ревности, она ничего не должна знать, – говорил господин Сью. – Ты понял меня?

– Да, сэр, – ответил высокий мужчина в пиджаке.

– Выполняй, – приказал он, и с ненавистью защурился глазами, сел на пол в своем огромном кабинете.

В тот день великий бизнесмен Джоб Сью, которого в узких кругах большого бизнеса прозвали железный человек, во второй раз в жизни заплакал. Как и в юности, он плакал из-за женщины. И хотя он поклялся сам себе, что больше не позволит ранить свое сердце, и сделает все, чтобы больше не уступать другому мужчине свою возлюбленную. Он во второй раз проигрывал, ибо в этом деле не все решали деньги и власть, которых у Джоба было в избытке. Любовь не подчинялась логике и законам жизни, и тем более было осознавать ту беспомощность, как тогда в юности, когда они подрались с Сашкой, и Джоб выиграл право быть с девчонкой, но Лиза все равно ушла от него.

– На этот раз я тебя убью, – сделав очередной большой глоток виски, словно прорывал Джоб Сью.

Допив одним махом бутылку, он швырнул ее в стол и, шатаясь, побрел к дивану. Грузно упав на него, он заснул.

* * *

Какова вероятность, что в одном маршрутном автобусе, выполняющем перелет из Канн в Париж, окажутся трое взрослых и один ребенок? На самом деле – большая. А если я скажу, что двое из них учились в одной школе, правда, в разные годы и в другой стране? А муж третьей работает с сестрой первого и нужен другу второго взрослого? Да, все это пассажиры одной маршрутки! Невероятное совпадение! – скажете вы, но – тем не менее.

Джессика Рови в тот день собралась с сыном в Париж, она хотела побывать на выставке последней коллекции известного итальянского кутюрье и прикупить себе не очень дорогого белья. Причем все это делалось тайком, любящая супруга хотела подарить мужу праздник вечером в номере отеля на побережье Средиземного моря. А сына взяла с собой, чтобы супруг не ревновал. Адам остался в отеле на побережье моря. И в то утро провалялся до обеда.

Арсен Адамян действительно учился в школе № 216 одного небольшого городка на побережье моря и, когда Сергей Рум оканчивал школу, вместе с его сестрой Маргаритой он перешел в седьмой класс. У него были очень теплые отношения с сестрой, он знал всех ее друзей одноклассников, не лично конечно, а по выпускным электронным фотографиям. Частенько Арсен разглядывал семейный фотоархив и поэтому, увидев Сергея Рума в рейсовом автобусе, он ненавязчиво решил познакомиться с одноклассником его сестры. А летел он в Париж, по работе. Он был филологом и переводчиком, занимался переводами технических текстов с одного языка на другой. В Каннах же Арсен проводил отпуск, и за день до вылета на родину решил съездить за новым заказом лично, тем более прямого рейса из Канн в Новосибирск не было. А из Парижа улететь в любую точку планеты было так же легко, как найти утром свежий круассан и чашечку кофе в этом замечательном городе.

Ну, а Сергей Рум ехал в Париж к возлюбленной – Александре Ким. Они две недели путали ищек Джоба и находили такие места, где украдкой и урывками, но в полной мере отдавались страсти и вспыхнувшим чувствам.

И все эти трое взрослых слушая команды автопилота, летели по автостраде в Париж. Невероятное совпадение.

– Вижу тебя, Ромов, – говорил по видеосвязи чем-то очень сильно возбужденный Сергей Рум. – Надеюсь, не отвлек?

– Нет, все в порядке, – сев удобнее, ответил на том конце видеосигнала Александр Ромов.

– Угадай, с кем я лечу в автобусе? – повернув камеру на Арсена, поинтересовался у друга Сергей Рум.

– Добрый день, – поприветствовал незнакомца Александр. – Но мы не знакомы.

– Еще бы! Это Арсен Адамян, родной брат Ритки Адамян, – пояснял ученый Сергей Рум.

– А, помню, помню, Риту, – улыбнулся Александр Федорович. – Передавай привет сестре, она хороший человек.

– А вот это сам лично сделаешь! – загадочно заметил Рум.

– Не понял?

– Помнишь, я говорил тебе про Адама Рови? Кстати, он не Ада́м, а Адам. Ударение на первую «а».

– Спасибо за нюансы произношения, при личной встрече пригодится. Я, кстати, уже подключил свои связи для поиска этого человека.

– Можешь не искать, он в Каннах, и именно сейчас он спит в отеле, – усмехнулся Сергей Рум. – А у меня за спиной его жена и девятилетний сын.

– Да, ладно! – Александр Федорович Ромов даже пододвинулся к видеотранслятору.

– Но я тебе главное не сказал, – начал Сергей Рум. – Ритка Адамян работает в фарминдустрии, она – ученый. Сейчас защищает докторскую в соавторстве с Рови и неким Ломовым Петром Афанасьевичем, и все это под руководством профессора Громова в Новосибирском НИИ, в региональном, очень бедненьком НИИ... Чувствуешь, куда я клоню?

– Ты хочешь сказать, я наткнулся на них, буквально, на пороге открытия в молекулярном синтезе?

– Именно, Ромов, – заметил Сергей Рум. – Твои деньги, их наработки, да ты построишь порт меньше чем за пять лет.

– Ну, это не факт, – улыбнулся Ромов. – Но шансы есть.

– Еще какие, – заметил Сергей Рум. – С тебя одна, нет, две бутылки «Хенесси» прошлого века.

– Рум, их всего осталось пятьдесят бутылок в мире.

– Не мелочись, Ромов! Я нашел тебе людей, которые построят целую планету в космосе, были бы только деньги, – подметил русский ученый и как-то неожиданно одернул камеру.

На заднем фоне вдруг послышались голоса взрослых: «Что он делает! Мы разобьемся. Ломай автопилот, ломай его!», потом камеру тряхнуло, раздался оглушительный треск и сигнал прервался. Александр сразу же понял, что произошло нечто ужасное.

Полиция, основываясь на следствие, через два месяца после трагедии сделала вывод, что это был несчастный случай. Рейсовый автобус подрезали, и он попал в магнитное поле другой машины, вследствие чего был сбит навигационный режим, и на скорости машина влетела в гору. Машину, которая резким маневром подрезала автобус, так и не нашли. По стечению обстоятельств, или это была преступная халатность перевозчика, но боковые видеорегистраторы в том рейсе были отключены, а защитные барьеры работали только по боковому периметру. В общем, как потом сказал следователь, цепь мелочей и поломок привела к этой трагедии. Из четырех используемых ремней безопасности два оказались неисправны. В той аварии инженер Адам Рови потерял жену и сына. Другие два пассажира отделались ушибами и переломами.

– Идиоты! – орал Джоб на свою охрану. – Такой шанс упустить! Сам случай подарил вам эту возможность! Так нет же, они поломали только одно кресло безопасности из десяти.

– Он купил билет на это место, сэр, – в кабинете Джоба оправдывался один из его подчиненных.

– Ты вообще ездил в транспорте такого рода? – еще сильнее закричал Джоб. – Там никто не садится на свое место по билету!

– Мы не знали, сэр, – опустив голову, прошептал один из подчиненных.

– Пошли вон! – швырнув в них папку с бумагами, прокричал Джоб. – И молитесь бога, чтобы вас не нашла полиция.

И тут же он нервно заходил по кабинету, перебирая в голове все возможные варианты последствий этого неудавшегося покушения.

– Сэр, вас хочет видеть председатель мирового правительства Стив Мору, его секретарь направил запрос на подтверждение видеоконференции, – неожиданно заговорила по видеотранслятору трехмерная модель секретаря.

– Да, конечно, соединяй, – поправив слегка растрепанные волосы Джоб Сю сел в кресло и приготовился к непростому, как он чувствовал, разговору.

Спецслужбы все-таки вычислили того, кто косвенно был виноват в автокатастрофе, и Мору звонил именно по этому поводу. Ему было важно сохранить и защитить жизнь ученого Сергея Рума, ибо он участвовал в разработке очень важного и ценного устройства, способного считывать электронейронный потенциал дистанционно. Простыми словами Рум изобретал робота, который позволил бы человеку читать мысли других людей. И пока военный проект был не окончен, ученого Рума нельзя было трогать. Джоб был в бешенстве, но глава мирового правительства был непреклонен. И они решили, что как только Сергей Рум закончит изобретение, люди Джоба Сю могут делать с ним что угодно. А пока слежка, наблюдения – все эти мероприятия возлагались на подчиненных Джоба. Тем более, Джоб сам напросился на помощь в контроле над ученым.

Александра Ким после фестиваля в Каннах ушла от Джоба, ничего ему не объяснив. Ромов нашел свою одноклассницу и сделал предложение, от которого ни она, ни Петр Ломов не смогли отказаться. К сожалению, из-за семейной драмы Адам Рови начал пить. И сначала его уволили из строительной компании, которая по воле случая принадлежала Джобу, а потом за полное безразличие и прекращение научной деятельности, профессор Громов исключил Адама из Новосибирского НИИ.

Но даже без этого достойного и талантливого ученого, собранная Ромовыми команда уже через год построила основной технический модуль космического терминала. Разместив на орбите между Землей и Луной по-настоящему громадную станцию с искусственным электромагнитным полем, в основу которого лег реактор Эмиро Суна. Это поле создавало небольшую гравитацию и удерживало космопорт на четкой орбите. После этого успешного шага Александр Ромов перебрался жить и работать на космопорт. Имя терминалу дали «Омега», и за пять лет стройки он стал огромнейшим космическим терминалом, способным одновременно принимать до сотни кораблей и до миллиона жителей Земли и Луны. После официального открытия в космический терминал перебрался и Эдгард, продав все свое ценное имущество на Земле.

Так началась новая эра по освоению космоса, и начали ее братья Ромовы – Александр и Эдгард.

«Альфа» и «Омега»

ОФИС БРАТЬЕВ РОМОВЫХ. КОСМОПОРТ «ОМЕГА». ОРБИТА ЗЕМЛИ.

– Послушайте меня, Стив Мору, подпишите этого документа в ваших интересах, – на повышенных тонах говорил Эдгард.

– Вы меня не слышите, – пытался что-то возразить председатель правления Земли.

– Нет, это вы нас не слышите! Я могу завтра аннулировать ваши контракты и вышвырнуть всю вашу госструктуру к чертовой матери с «Омеги», – даже немного привстав, заявил старший Ромов.

– Не можете, – чуть слышно произнес Стив Мору. – Мы будем судиться.

– И что? Отберете у нас домик в России?! – Эдгард даже рассмеялся.

– Но это не по закону, – бубнил себе под нос вспотевший председатель правительства, явно не ожидая такого резкого поворота переговоров.

– Не по закону? – вмешался в диалог Александр, – А присваивать себе целую планету по закону.

– Марс – собственность глобального правительства, и я, как ее представитель, не позволю посягать на суверенитет этой планеты, – чуть осмелев и даже встав, заявил лысоватый англичанин невысокого роста.

Возникла не очень приятная пауза в переговорах.

Александр подошел к бару и налил себе и господину Мору выпить. Англичанин вежливо отказался, то и дело, нервно перебирая кожаную папку с контрактами. Он ведь прилетел продлевать годовой контракт с космопортом «Омега». А тут эти русские захотели лакомый кусочек – свободу на право добычи золота на Марсе для всех людей.

В кабинете, где почти все было из дерева, воцарилась тишина. Приятный матовый свет настольной лампы делал обстановку уютной. Теплые тона, кожа – все это создавало земной комфорт, и если бы не легкая невесомость, то можно было подумать, что ты на Земле. И только маленькие звезды в иллюминаторе, и непривычно яркое солнце, напоминали тебе о космосе.

– А знаешь что, Эдгард? – начал Александр. – У меня есть идея!

– Говори, – немного удивленно посмотрел на брата младший Ромов.

– Мистер Мору, с этого дня цена на аренду восьмого, девятого и тринадцатого секторов вырастает на двести тридцать процентов.

– Это неприемлемо дорого, – заикаясь от услышанного, еле-еле выдавил из себя председатель правительства.

– Это первое, – продолжил Александр. – Второй новостью для вас будет то, что разницу мы вложим в одно очень прибыльное дело.

– Что ты еще выдумал? – усмехнулся старший брат, видя реакцию политика.

– Ну, раз нельзя приземлиться на Марс, мы начнем строить на его орбите еще один космический порт.

– Вы не имеете права! – попытался было возразить политик.

– Да, ладно! – тут же оживился Эдгард. – Космос не принадлежит вам, – подхватил идею брата Эдгард, – а значит, мы вправе строить на орбите Марса все, что нам заблагорассудится. Отличная идея! Брат, налей-ка мне выпить, – улыбнулся младший Ромов и включил селектор: – Эндрю, помоги мистеру Мору добраться до терминала вылета на Землю.

– С удовольствием, то есть, простите, конечно, сэр, провожу, – послышался голос охранника в селекторе.

И через минуту возмущающегося политика препроводили к шаттлу, летевшему на Землю.

Весьма амбициозное заявление братьев Ромовых было не беспочвенным: за день до переговоров с председателем правительства они заключили долгосрочные контракты с тремя космическими крейсерами «Астра-6», «Астра Вега» и «Астра-7». И уже в день переговоров космические корабли оборудовали строительными модулями. Конечно, это все держалось в тайне, известно было только то, что заказчиком был некий предприниматель на Луне. И как только на переговорах с господином Мору стало понятно, что Земля не пойдет на уступки, решение о строительстве второго космического терминала было окончательно и бесповоротно озвучено.

И уже через сто дней полета на орбите красной планеты создали первый модуль орбитального космического терминала «Альфа».

* * *

Конечно, Ромовых можно понять в их желании противостоять мировому правительству, так как им никто не помогал и никто не верил в их затею, но ведомые идеей создать космический терминал, они, сами того не подозревая, вошли в большую политику. Зашли на территорию Стива Мору, который мог простить многое: кражу, убийство, но все, что было связано с политикой, трактовалось только в его пользу, он не терпел в этой области конкурентов. Пятнадцать лет правления Стива Мору, признаться, были для человечества годами стабильного роста, не очень быстрого, но роста. Он не воровал, не поощрял кумовство, разрешал богатеть, но легальным способом, одним словом, этот англичанин был хорошим хозяином. У него было лишь два недостатка: он был собственником и любил чувство власти над людьми. В годы его правления люди не стали жить лучше, но и не стали хуже. Эту эпоху называли эпоха динамического застоя, ибо именно в годы правления Стива Мору во многих отраслях человеческой деятельности были проведены не просто шаги, а скачки вперед. Эта была эра научно-технического бума, но при этом обычные люди не стали богаче, но и не обеднели, двумя словами – динамичный застой.

Поднимаясь по мраморным ступенькам в офис директора «Глобал Энерго», он не мог перестать думать о Ромовых. В свои шестьдесят два года он так и не встретил ни одного достойного соперника из политиков, у всех были слабости: наркотики, женщины, извращения, азартные игры, алкоголь. Всегда можно было подобрать ключик к нерадивому политику, но тут – парочка гражданских. Да – талантливых, да – думающих, но при этом, таких сложных соперников. У Ромовых не было слабых мест: семьей они спрятали на «Омеге», деньги и женщины их не интересовали настолько, чтобы из-за них терять голову, власть им не требовалась, одним словом, почти святые в понимании Стива Мору. Он поэтому и поднимался к одному из своих знакомых – директору «Глобал Энерго», человеку, который был третьим в списке богатеев на этой планете, но главное, он знал Ромовых, знал их тайны, знал их лучше, чем кто-либо на этой планете.

– Господин Мору, – услужливо открыла дверь в кабинет Джоба Сью секретарь, – мой директор ожидает вас.

– Я в курсе, – буркнул Стив и неторопливо, опираясь на трость, прошел в кабинет.

– Рад вас видеть, господин председатель правительства, – тут же бросив электронно-бумажную работу, произнес директор «Глобал Энерго».

– Давай без этого лицемерия, Джоб, – Стив грузно сел в кресло и, закулив сигару, продолжил: – Мы не друзья и даже не коллеги. Я – политик, ты – бизнесмен, удачный бизнесмен, но, самое главное, мы – не враги. Да, наши интересы в некоторых делах пересекаются, и я признателен тебе в том, что ты шел на уступки даже тогда, когда тебе этого не хотелось делать.

– Вопрос цены, господин председатель правительства, – с некой обидой в голосе ответил Джоб Сью.

– Именно цены? – продолжил он. – Так вот, у нас есть острые углы во взаимоотношениях, например, такие, как Сергей Рум, контракты на шельфе северного полюса, но все это решаемо.

– Конечно, решаемо, – улыбнулся Джоб.

– Главное, что мы смотрим в одном направлении.

– Немного не понял...

– Мы оба любим Землю и хотим, чтобы она была сильной и неделимой, – заметил Стив Мору.

Джоб Сью тут же загадочно улыбнулся и понял, зачем политик пожаловал к нему с визитом. А сам факт, что это было все в рамках строжайшей секретности – Стив Мору был без охраны и один – давало почву для размышлений, насколько важно участие Джоба в планах председателя правительства.

– Ромовы, – после небольшой паузы с ухмылкой произнес Джоб.

– Я слышал, что вы жили и учились в одной школе, – нерешительно произнес Стив.

– Я, Сергей Рум и Александр Ромов – три друга детства, – ответил Джоб Сью.

– Хм, – усмехнулся Стив Мору. – Насмешка судьбы, не правда ли, Джоб?

– В чем? – серьезно спросил он.

– Ну, ты и Сергей Рум – друзья детства, ставшие врагами. Я не знал этих подробностей.

Джоб неторопливо встал и, сделав вид, что не расслышал замечание политика, налил себе и Мору выпить.

– Я так понимаю, вам надо знать, есть ли у Ромовых слабые стороны, – сменив тему, начал Джоб.

– Да, – сделав глоток виски, ответил Стив.

– Уже нет, слабых сторон нет, – улыбнувшись, ответил Джоб.

– Ну, он же не Бог! – раздраженно буркнул Мору.

– Не Бог, – ответил Джоб. – В юности Эдгард всегда был инициатором какого-либо приключения, но он был трусоват, и если бы не брат, то мы бы не выигрывали. Санька шел до конца, он смел, но при этом, он может думать. Если он бьет, то он бьет именно в тот момент, когда надо ударить. Не помогает кулак, значит, помогает палка, не помогает палка – помогает камень, не помогает камень – их больше. Он нанимает хитростью глупых здоровяков и все равно побеждает. Ему важен процесс победы, он играет не ради выигрыша, а ради процесса, и поэтому он не победим.

– Они хотят построить второй терминал на орбите Марса, – перебив Джоба, заявил Стив. – Причем, за счет правительства. За мой счет! Они хотят поднять цену на аренду всех сегментов терминала «Омега», и если они это сделают, то мы в будущем потеряем Марс.

– Вы потеряли его в тот день, когда Александр полетел на орбиту Земли строить терминал, – тут же ответил Джоб. – И вдвойне прискорбно, что только сейчас до вас это дошло.

– Помогите мне, – еле выдавив из себя эти слова, прошептал раздраженный и отчаявшийся политик.

Они были чем-то похожи, и дело было не в росте: Стив и Джоб оба были ниже ста шестидесяти сантиметров, оба были упитанными, даже немного полноватыми, людьми, но это было, скорее, возрастной особенностью. У них были общие страсти: и Джоб, и Стив любили деньги и власть, не желая ни с кем и никогда делиться.

– Как вы там сказали? – решительно посмотрел на него Джоб Сью. – Вопрос цены?

– Я многое отдам за эту победу! Это дело чести, – ответил Мору.

– Не сомневаюсь, господин Мору, не сомневаюсь, – заметил Сью.

Если бы Джоб Сью родился на пару веков раньше, во времена великих войн, то его таланту просчитывать ход боя не было бы равных. Гениальный стратег, в любой партии его кредо было нанести врагу максимум урона и свести все на «ничью», если победить было невозможно. В случае с Ромовыми, победить, используя политические рычаги, было невозможным, и Сью хорошо понимал это.

– Дайте ему построить главный модуль терминала, – начал Джоб. – Это два-три года, за это время надо неофициально построить максимум кораблей. Я куплю их все, найму людей,

и мы займемся пиратством. Мы будем грабить все корабли, идущие с провиантом к Марсу, и через год-другой не надо будет ни с кем сражаться, они сами там умрут без воды, еды и воздуха.

– А почему не сделать это сейчас, пока он уязвим, пока не построил главный модуль жизнеобеспечения? – лукаво подметил Стив Мору.

– Это моя цена, – ответил Джоб. – Мне нужен Марс, а без терминала на его орбите – это всего лишь огромная куча песка с золотом за миллиарды километров отсюда. Без терминала эта планета ничего не стоит.

Стив Мору задумался, потом он неторопливо сделал глоток виски и еще раз посмотрел на американца.

– Из двух зол надо выбрать меньшую, – улыбнулся председатель правительства и, встав, протянул руку Джобу. – Я согласен на твои условия.

– Рад, – пожав руку Стива, Джоб тоже улыбнулся и добавил: – Ваша задача – как можно дольше закрывать глаза на эту анархию в космосе.

– Ну, это естественно, – ответил Стив Мору. – Говоришь, дать ему построить терминал?

– Не весь, – тут же поправил его Джоб, – а только главный модуль с реактором, и секторами самообеспечения, остальное я дострою сам.

– Я надеюсь, новое руководство терминала будет более лояльно к мировому правительству, – заметил господин Мору.

– Конечно, председатель правления, – ответил Джоб.

И Стив Мору, преисполненный хорошим настроением неторопливо, опираясь на трость, поспешил удалиться.

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ.

ТЕРМИНАЛ «АЛЬФА».

– Ты думаешь, Джонс пропустит посылку? – немного нервничая, спросил русский астронавт.

– Я надеюсь, – ответил Ким Вонг и взглянул на часы. – Десять минут до стыковки корабля с Земли, бьюсь об заклад, что сейчас появится «солдафон», ведь он всю неделю выпрашивал об этом грузе.

– Да не дай Бог! Постучи по дереву, – иронично подметил Иван Лодов, поглядывая на закрытый отсек в жилой сегмент терминала главного модуля терминала «Альфа».

И действительно, через пару секунд дверь в туннель из города открылась, и появился одетый в скафандр глава службы безопасности Рики Джонс. Его неторопливая, вразвалочку, походка настораживала. Честно сказать, Ким Вонг и Иван Лодов планировали встретить груз с Земли в одиночку, без вездесущего глаза начальства. Но у Джонса, как говорится, был нюх на любые незаконные аферы.

«Включите внутреннюю связь», – показал руководитель службы безопасности.

– Приказ выполнен, сэр, – включив внутреннюю радиосвязь между астронавтами, доложил Лодов.

– Что-то вы подозрительно рано пришли к терминалу стыковки, – съязвил Джонс.

– Сэр, гостинцы из дома – это святое, – ответил русский астронавт.

– Хм, – усмехнулся Рики Джонс. – Ну-ну, не знал бы я вас, то поверил бы в эту искренность ответа. Ну, если вы заказали алкоголь с Земли, я вам устрою радостный уикенд.

– Сэр, все что угодно, но только не спиртное, – подойдя ближе к Джонсу, заговорил Ким Вонг. – Мы не нарушаем законы космопорта.

– Конечно! Две минуты осталось до стыковки, – потирая руки, говорил Рики Джонс – управляющий службы безопасности. – Сейчас посмотрим, что вы там нарушаете, а что – нет.

Рики Джонс был неплохим малым, немного требовательным и принципиальным в плане соблюдения устава и законов терминала, впрочем, именно поэтому Александр Федорович дал

ему должность начальника охраны. И это, как говорится, был именно тот случай, когда нужный человек занимал именно свое место. Вообще, Ромову удалось так подобрать коллектив «Альфы», что за четыре года стройки не было ни одного конфликта. Все астронавты были большой и дружной семьей. И это при том, что на момент постройки электромагнитного реактора и главного модуля жизнеобеспечения, в терминале «Альфа» проживали одиннадцать тысяч человек. Ромов гордился этим показателем – небольшим, но о многом говорящим.

«Стыковка произведена! Стыковка произведена! – оповещал механический голос. – Погрузочные роботы активированы! Осторожно, атмосфера отсутствует! Осторожно, атмосфера отсутствует!»

Весь груз был доставлен на терминал в целости и сохранности, и тут же освободившееся пространство было наполнено золотой рудой, добытой на Марсе, и космический корабль полетел на Землю.

– У меня такое ощущение, что добывая мы нужный объем золота в день, мировое правительство запускало бы к нам ракеты, наверное, два раза в сутки, лишь бы мы загружали золото, – закончив погрузку, бубнил себе под нос Ким Вонг.

– Разговорчики! – управляя погрузочным роботом, говорил Джонс. – Вашим семьям платят неплохие деньги за это золото.

– Конечно, сэр, – загрузив последнюю партию руды, ответил Лодов.

А в терминале их уже ждала целая делегация ученых. Начальник лаборатории Маргарита Адамян привела с собой почти всех незанятых научных сотрудников. Настолько огромен был интерес к таинственной посылке с Земли.

– Маргарита Анатольевна, мне не нравится эта скрытность и моя неосведомленность о грузе, – еще раз перелистывая список всех посылок, говорил начальник охраны Джонс.

– Уверяю тебя, Рики, там нет чего-либо запрещенного уставом терминала «Альфы».

– Тогда почему такой ажиотаж? – не мог уговориться Джонс.

Но этот вопрос уже никто не слышал. Иван Лодов нашел свою посылку, и тут же все ученые обступили русского астронавта. Ну, а когда он произнес: «Они живы!», все разразились громкими аплодисментами.

– Да, кто жив? – пробираясь сквозь толпу ученых, бубнил себе под нос Рики Джонс. – Пропустите меня, черт бы вас побрал, пропустите.

Иван держал в руке специальный аквариум с песком. Обычный герметичный аквариум из особо прочного прозрачного пластика с весьма необычным для космического порта содержанием.

– Муравьи?! – реакция Джонса была негативной. – Вы в своем уме? Это биологическая угроза терминалу! А если они заполонят весь космопорт, что тогда? Я немедленно сообщу об этом вопиющем факте Александру Федоровичу.

– Полковник Джонс, – начала заведующая научной лабораторией Маргарита Анатольевна, – вы думаете, что Александр Федорович не в курсе о содержимом наших посылок?

– Почему мне никто не сказал?!

– Эти муравьи – часть эксперимента по созданию замкнутой природной цепи, – объясняла госпожа Адамян. – Мы не хотели преждевременно афишировать все наши научные секреты.

Рики Джонс хоть и носил прозвище «солдафон», но где-то в глубине души, за всей этой требовательностью, пряталось доброе и понимающее сердце. Невысокого роста американец, редко, когда улыбался, но его карие глаза были добрыми, и даже когда Рики злился, казалось, он злился не всерьез. Круглое лицо, пушистые бакенбарды и подкупающая ямочка на подбородке располагали к Джонсу с первого взгляда. И все, кто встречал его впервые, ни за что бы не поверили, что в этом человеке может прижиться образ строгого начальника.

– Не, ну правда, Рики, – после небольшой паузы заговорила начальник научной лаборатории. – Не отправлять же их обратно на Землю. Мы так боялись, что они не долетят, а тут сама фортуна повернулась к нам лицом, – говорила Маргарита Анатольевна.

– Ладно, черт с вами, – возвращая аквариум Лодову, произнес Джонс. – Ну, если хоть одного встречу в своем отсеке, раздавлю лично!

– Конечно, милый, – поцеловав Джонса в щеку, прошептала Маргарита Анатольевна.

И все дружно захлопали в ладоши, радуясь тому, что начальство терминала одобрило кардинально новый эксперимент, который позволил бы им создать замкнутую биологическую цепь в лабораторных условиях еще не достроенного, но уже жилого терминала «Альфа».

ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

КАЮТА РИКИ ДЖОНСА.

– Рита, а ты не могла мне рассказать о посылке, – лежа в постели, общался с супругой Джонс. – А то я выглядел полным идиотом в глазах этой парочки.

– Мы вообще не думали, что тебя так заинтересует эта посылка, – смывая маску влажными салфетками, говорила Маргарита Анатольевна Адамян.

– Я почему-то был уверен, что Лодов и Вонг заказали партию алкоголя с Земли, и представь, как нелепо я выглядел, когда я целую неделю следил за их столь секретным разговором, а главным секретом оказались никчемные муравьишки.

– Formica rufa, – поправила его Маргарита Анатольевна.

– Да ты их хоть как назови, – сердито буркнул Джонс. – Я до сих пор считаю, что это бесполезное занятие. Да и твой зоосад, честно сказать, тут и не нужен. Мы отправляем на Землю столько золота, что, пожелай того, у нас на завтрак, обед и ужин всегда могут быть свежая зелень и фрукты.

– Начальник охраны Джонс, не забывайте, что восемьдесят процентов кислорода дает, как ты сказал, «мой зоосад», но если быть точным, до сегодняшнего дня в ботаническом саду, я подчеркиваю – ботаническом, не было зоологической формы жизни. А вот с сегодняшнего дня там живут насекомые вида Formica, и даже после этого он не может называться зоосадам в полной мере.

– Ладно, это дурацкий спор, – укрывшись теплее одеялом, пробубнил Джонс. – Меня не переубедишь, я все равно не вижу смысла в создании вашей замкнутой цепи, когда все то же самое могут привезти тебе с Земли за какие-то сто дней полета, – пробубнил Рики и перевернулся на другой бок.

Маргарита Анатольевна с улыбкой посмотрела на мужа, достала электронный дневник и сделала очередную запись:

«Двенадцатое сентября.

Сегодня великий день! Мы запустили в ботанический сад колонию муравьев с детенышами и маткой. Цель эксперимента: создать полноценную экосистему. Муравьи смогли бы частично рыхлить почву и перерабатывать биологические отходы. И это только первый этап. Далее мы планируем запуск других насекомых.

Психологическая обстановка в терминале «Альфа» удовлетворительная. Физиологическое и биохимическое состояние здоровья 10654 жителей города в пределах нормы. Двое вновь прибывших астронавтов больны респираторным вирусным заболеванием и изолированы в специальном боксе. Подробный отчет сохранен в дневнике медицинской лаборатории.

Старший научный сотрудник, заведующая лабораторией Адамян М.А.»

Каюта была обычной, ничего лишнего: семейная кровать из алюминия и пластиковые стулья. Вмонтированные в стены шкафы и столики так же легко выдвигались, как и задвига-

лись. Огромная плазменная панель была и модулем внутренней связи, и телевизором, транслирующим некоторые внутренние каналы телевизионной и радиосвязи.

Рита сидела за столом и готовилась ко сну. По телевизору шли новости, диктор говорил о проблемах на Ближнем Востоке и возможной ядерной угрозе от радикально настроенных террористических групп. Но Адамян сделала Земной новостной канал чуть тише, не обращая внимания на столь серьезные новости. Впрочем, такие угрозы в адрес мирового правительства не были редкостью, и периодически та или иная радикально настроенная группа угрожала взорвать ядерную бомбу.

– Как хорошо, что мы тут, – прошептала старший научный сотрудник, краем уха слушая новости. – Эта вечная угроза терактов... Ничего не меняется на этой голубой планете, какими были люди, такими они и остались, – добавила она и выключила телевизор.

Спали Джонс и Адамян на редкость хорошо.

Никто даже и предположить не мог, что тот день станет переломным в истории космопорта, ибо корабль с золотом, который летел на Землю, до нее не добрался. До того момента такого понятия, как космические пираты, не существовало, но все изменилось в ту ночь. Сначала кем-то были уничтожены промежуточные спутники связи, этот факт оставил терминал «Альфа» без новостной информации. А когда не пришла очередная ракета с Земли, стало понятно, что что-то произошло, но никто не мог понять что.

Бортовой дневник Рики Джонса:

«Девятнадцатое сентября.

Господи, произошло нечто ужасное... Мы не можем связаться ни с «Омегой», ни с Луной. Связи нет ни с кем. Гробовая тишина в эфире...».

«Двадцать восьмое сентября.

Александр Ромов потребовал остановить добычу золота, а всех свободных людей и машины задействовать на работах в ботаническом саду. наших запасов еды осталось на две недели. Привезенного воздуха – на тридцать дней. Ромов издал указ – законсервировать весь кислород и перейти на полное насыщение терминала кислородом, вырабатываемым ботаническим садом. Это семьдесят процентов от нужной минимальной нормы. Поэтому мы сократили вентиляцию в жилых помещениях и убрали ее вовсе в проходных модулях, и тут же увеличилось количество респираторных заболеваний. С «Омегой» по-прежнему нет связи».

«Девятнадцатое октября.

Запасы провианта закончились, мы на грани катастрофы. Люди истощены и подавлены, сорок процентов населения терминала «Альфа» начали болеть цингой. Ботанический сад не может удовлетворить потребность в еде даже на тридцать процентов. Сегодня от истощения умер первый астронавт, Эрик Сомов. Тело русского было химически кремировано. «Омега» молчит...».

«Двадцать третье ноября.

На совете было принято решение о строительстве из добытого золота новых модулей для ботанического сада. Запасы грунта есть, семена – тоже. Новые отсеки смогут увеличить запас еды до семидесяти процентов, и мы сможем засадить построенную площадь исключительно полезными растениями, дающими еду. Но на это надо время и человеческие руки. Все и так работают по шестнадцать часов в сутки, опыляя растения и ухаживая за плодами. Люди слабы, а роботы не могут выполнять такую тонкую работу. Терминал «Альфа» на грани гибели. Сегодня, впервые за пять лет строительства, Александр Ромов дал распоряжение – приостановить строительство терминала и всех рабочих перенаправить на возведение новых модулей

жизнеобеспечения. Умерло сто двадцать человек. Все тела кремированы, и урны отправлены на Марс».

«Семнадцатое декабря.

Умерло двести человек. Из хороших новостей: новый ботанический сад построен. Старый сад решили полностью использовать как легкие космпорта. Плодоносящие культуры были пересажены в новый сад с золотыми стенами. Кто бы мог подумать, что здесь, за миллионы километров от дома, золото будет цениться не дороже обычной руды. Золотой сад, стены, пол, потолок – все из золота. Неимоверная расточительность, но это единственный материал доступный для строительства. Немного цинично, но освободившиеся жилые отсеки были демонтированы, и у нас получился еще один ботанический сад. Теперь проблема кислородного голодания устранена. Мы смогли возобновить вентиляцию проходных терминалов, и, мало того, мы утроили запасы законсервированного кислорода. Омега молчит...».

«Двадцать восьмое февраля.

От цинги и истощения умерло сто человек. Кладбище растет. Из хороших новостей: ждем урожай, но завязей мало, планируемый сбор снижен на тридцать процентов, а это недопустимо много. Из-за влажности в ботаническом саду возникли грибницы плесневых грибов, они поражают урожай. Приходится, в буквальном смысле, бороться за каждый плод. Все терминалы и отсеки терминала «Альфа» работают без перебоев. «Омега» молчит».

«Двадцать девятое марта.

Умерло восемьдесят шесть человек, причина та же. Новостей нет!».

«Пятнадцатое апреля.

Умерло сто двадцать три человека. Первый сбор урожая не принес ожидаемого результата: по неведомым нам причинам урожай всех опыленных плодов снижен на сорок процентов, корнеплодов – на двадцать процентов. Это – от минимально допустимой нормы. Опять голод. Плесень поразила больше половины недозревших плодов. Использовать химические препараты мы не можем: огромный риск после созревания получить продукт с большим содержанием хлорсодержащих примесей. Мы бессильны перед банальной плесенью! «Омега» молчит...».

«Тринадцатое августа.

За три месяца умерло сто шестьдесят девять человек, причина – та же. Новый урожай не оправдал надежд. Те же самые показатели: корнеплоды – двадцать процентов от минимальной допустимой нормы, опыляемые – сорок процентов. Единственный стопроцентный результат – по однолетникам, но семян все меньше и меньше. Ручное опыление эффективно лишь на одну треть. С «Омегой» связи нет уже одиннадцать месяцев. Мы не перестаем отправлять сигнал s.o.s. с интервалом тридцать минут по всем частотам радиосвязи, но «Омега» молчит».

«Третье сентября.

Нас осталось 2373 человека, половина из которых тяжело больны. Все, кто может стоять без посторонней помощи, задействованы на ботанических работах. Боже, я не хочу так умирать...».

ЧЕТВЕРТОЕ СЕНТЯБРЯ.

– Рики, ну что там? – дрожащим голосом поинтересовался Александр Ромов у вернувшегося начальника охраны.

– Этот урожай будет еще меньше, – снимая плащ и сапоги, произнес Рики. – Грибок поразил четырнадцать кустов. Да и количество завязей снижено втрое, мы все хуже и хуже опыляем.

– Черт побери, я же сам лично опылял эти чертовы пестики, – ругался из последних сил Ромов. – Почему все именно так?!

– Дело в нас, Александр, – сидя в инвалидной коляске, говорила исхудавшая женщина.

– Ну, если не мы, то кто будет опылять эти чертовы кустарники?

– Мы – люди, Ромов, и мы не можем полностью заменить природу, ее полный цикл. И чем мы слабее, тем мы менее внимательны, а значит, количество опыленных цветков падает – все просто. Еще пара месяцев, и мы умрем, не от голода, так от цинги, – с дрожью в голосе ответила Маргарита Анатольевна.

– Я не хочу, – чуть ли не плача, произнес Ким Вонг. – Маргарита Анатольевна, Александр Федорович, Рики Джонс, я не хочу тут умирать, это не мой дом.

– И не наш тоже, Ким, – ответил Ромов. – Слышишь меня? Мы не умрем, я уверен на «Омеге» делают все, чтобы связаться с нами.

– Уже год, как про нас забыли! – закричал Иван Лодов. – О чем вы говорите, Александр Федорович?! Они кинули нас, и точка!

– Соблюдай субординацию, Иван, – тут же поправил его Рики Джонс.

– Ничего страшного, Рики, – подойдя к худощавому, изнеможенному астронавту, произнес Александр. – Сейчас мы все – просто люди. Нет начальников, нет починенных. Мы – люди, и мы не имеем права умирать. Я привел вас сюда, и я даю слово, что до последнего вдоха буду бороться за жизнь, за этот чертов терминал и за каждого из вас, пока мы не победим.

– Спасибо, сэр, – посмотрев в глаза Ромову, прошептал Рики Джонс.

– Простите меня, Александр Федорович, – прошептал Лодов, склонив голову.

– Все нормально, Иван, все нормально, – с дрожью в голосе ответил Александр Федорович и, еле сдерживая эмоции, поспешил удалиться.

На конец шестого года строительства ситуация на орбите Марса была наихудшей: из одиннадцати тысяч сотрудников и рабочих терминала «Альфа» в живых осталось около трех тысяч человек. Это, без преувеличения, была катастрофа.

ЛУНА. ПРИЕМНАЯ ЛИГИ ГОРОДОВ СВОБОДНОЙ ЛУНЫ.

Эдгард Ромов, за год осады терминала пиратами, что только не предпринимал: он обращался в суды, поднимал этот вопрос в прессе, требовал мировое правительство вмешаться. Но те привезли видеотчет о том, что дорога к терминалу «Альфа» открыта, и все, что говорили о пиратах, это всего лишь чьи-то байки, переросшие в сплетни.

Но как только новые смельчаки с грузом отправлялись к Марсу, они все исчезали в просторах космоса. И никто ничего не смог с этим сделать. Терминал «Альфа» был в блокаде, и чем дольше длилась эта осада, тем меньше шансов было найти в живых тех смельчаков, что полетели за Александром Ромовым к красным пескам. И Эдгард понимал это, и тем беспомощнее было его положение.

– Господин Ромов, вас ожидает Амиро Лью Сан, – улыбаясь, предложила войти Ромову темнокожая секретарша.

– Спасибо, – пройдя в кабинет, ответил Эдгард.

Амиро Лью Сан очень хорошо относился к братьям Ромовым: двадцать пять процентов доходов Луны зависело от терминала «Омега». Около семисот тысяч рабочих мест. Да и как с людьми, с Ромовыми было приятнее общаться и вести дела, нежели с политиками мирового правительства.

– Дорогой Эдгард, прими мои соболезнования, – тут же начал Амиро. – До меня доходят слухи, что твой брат в ловушке, и надежды уже нет.

– Он жив, – сухо ответил Эдгард, и с какой-то особой злостью посмотрел в глаза главе лиги городов свободной Луны.

– Я не хотел тебя обидеть, Эдгард, – Амиро даже встал из-за стола. – Может быть, ты не знаешь, но Земля крайне негативно настроена против вас. Та выходка с поднятием аренды и строительством нового терминала, для Стива Мору стала личной пощечиной, а он такое не прощает.

– А откуда вам это известно? – удивился Эдгард.

– Я на днях встречался с ним, – сев ближе к другу, начал Амиро, – и знаешь, что я понял? Пираты, блокада терминала «Альфа» – все это его рук дело. Мы поймали парочку кораблей, они собраны без опознавательной маркировки, экипаж – уголовники, причем те, что осуждены на пожизненные сроки. Руководит ими некто Гарри Байсон и некто Тоху (это, скорей всего, прозвище), матерые преступники. Причем по ответным документам на официальный запрос – они все отбывают свой срок на Земле, нам даже выслали видео с их распорядком дня.

– А если поднять шумиху в прессе? – тут же предложил Эдгард.

– Не выйдет! Это все слова, Эдгард, – грустно посмотрев на него, ответил Амиро. – А после официальных отчетов военных кораблей с Земли, которые добрались до «Альфы» и прилетели обратно, в пиратов никто не поверит.

– Амиро, ты понимаешь, что там мой брат, – уже чуть ли не плача, говорил Эдгард. – Он может погибнуть!

Сорокалетний китаец нервно прикусил губу и посмотрел своими добрыми глазами на этого сильного русского человека. Амиро был младше Ромова, ниже его ростом, с типичным для своей нации формами лица, в общем, ничего особенного, кроме взгляда. У Амиро отсутствовал этот шаблон все понимающего взгляда политиков, его глаза лишены этой нотки лицемерия, и от этого в трудных ситуациях в них улавливался страх. Страх ошибки, страх сделать то, что может навредить кому-то другому. Амиро знал об этом, и наверно, поэтому он считал себя больше гражданином свободной Луны, нежели чиновником. В ту минуту он смотрел на Ромова именно так: он боялся сказать ему, что брата не спасти. Боялся этой правды.

– Я долго думал, как можно помочь Александру, – первым неожиданно заговорил Амиро.

– И как? – оживился Эдгард.

– Боюсь, что этот вариант имеет слишком большую цену.

– Говори, – что-то могучее проснулось в голосе младшего Ромова.

Амиро подошел к рабочему столу и достал из ящика несколько электронных страниц. Подойдя к другу, он молча протянул их Эдгарду.

– Это план по отнятию космического терминала «Омега» у братьев Ромовых, – начал Амиро. – У меня два дня, чтобы дать ответ. Думаю, ты понимаешь, что будет, если я дам отрицательный ответ.

– Это невозможно! – листая электронные страницы, говорил Эдгард. – Он не посмеет этого сделать.

– Тебя убьют, Игоря отравят. Тут расписаны по секундам ваши рабочие и выходные дни, – говорил Амиро. – И я тебе скажу: Земля это сделает. По отдельности вы слабы, Эдгард! Нет Александра – нет братьев Ромовых, а если быть честным, выжить два года в космосе без еды, воды и воздуха невозможно. И только поэтому эта электронная бумажка, этот план по отнятию вашей собственности попал ко мне на стол.

– И что ты будешь делать? – посмотрел на него Эдгард.

– Дам украсть тебе «Астру», – улыбнувшись, ответил Амиро. – «Астру-6»! Я как раз месяц назад установил на нее военный модуль, ну а работа автопилота, по-моему, через час-другой уже поставят. Еда, вода, семена, запасы воздуха – все загружено, топливо залито. Осталось только угнать корабль, – добавил Амиро.

– Прости, не пойму, – ответил Эдгард.

– Сейчас ты пишешь договор, что твоя доля терминала будет сдана в бессрочную аренду правительству Луны, а я приберегу этот козырь до того момента, когда терминал начнут разрывать на кусочки.

– Допустим, дальше что?

– Этот план отдашь сыну Саньки. Пусть он прочтет, внимательно прочтет и запомнит на всю оставшуюся жизнь, что с Землей можно говорить только с позиции силы. Потом ты улетишь, а сын Александра станет мишенью номер один, – рассуждал Амиро. – И если я буду рядом, я не позволю прихвостням Мору запустить лапы в терминал.

– Значит, либо я, либо брат, – поняв все тонкости замысла Амиро, заметил Эдгард. – И надо непременно украсть земной крейсер! Да, цена огромная, пираты меня не пропустят.

– Не исключено! Тогда ты должен сломать автопилот, и «Астра-6» долетит до Марса. Билет в один конец, – ответил Амиро. – И если Санька жив, он сможет вернуться. Увы, Эдгард, но кому-то из вас надо будет заплатить жизнью за этот билет домой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.